Дорога на Берлин

Борис Леонтьевич Горбатов

SHOUT
SHARE
IT

- Горбатов Борис Леонтьевич

Горбатов Борис Леонтьевич
Дорога на Берлин

Борис Леонтьевич Горбатов

Дорога на Берлин

В сборник включены произведения советского писателя Бориса Леонтьевича Горбатова (1908 - 1954), рассказывающие о бесстрашии и мужестве советских людей в годы Великой Отечественной войны.

...Прямо на зрителя несутся пулеметные тачанки.

Кони в мыле.

Снежный прах из-под копыт.

На передней тачанке подымается молодой солдат.

Вытянув вперед руку, кричит:

- Дон, ребята!

...Во весь экран - сияющее восторгом боя, юное и красивое лицо Васи Селиванова, младшего лейтенанта. Растрепался чуб из-под фуражки.

- Пишите, товарищ корреспондент! - говорит он кому-то, кого мы не видим. - Веселый был бой! Кровь не успевала замерзать на клинках - такая была рубка! Горячий пар валил от полушубков - такая была скачка! Марш-марш, лихое дело!

- Разве вы кавалерист? - удивляется корреспондент. (Сейчас мы видим его спину.)

- Нет, к сожалению! - смущается Вася. - Но я... приблизительно выражаюсь. Для печати.

- А вы, товарищ Селиванов, давно на войне?

- Давно-о!.. - улыбается Вася. - Уже двадцать четыре часа.

Сумерки... По широкой улице донской станицы идет хмурый немолодой офицер, старший лейтенант Дорошенко. Приглядывается к хатам, словно хочет отыскать знакомую.

Нашел.

Стучит в оконце.

- Кто? - выглядывает из окошка старик. - А, пожалуйте, пожалуйте!..

Дорошенко входит в хату. Молча снимает шапку, опускается на лавку у печи, протягивает к огню руки - сперва левую, на которой нет пальца, потом правую.

Старик стоит перед ним.

- Стало быть, не признал ты меня, дед? - спрашивает, наконец, офицер.

Старик всматривается.

- Не взыщи, батюшка, - отвечает он.

- А я целые сутки у тебя жил.

- А-а! Жил, жил!.. Много тут прошло, жило... Запамятовал я...

Вдруг резко встал Дорошенко, рывком отстегнул полевую сумку от ремня, швырнул на стол. Старик испуганно следил за ним. Что-то взял из сумки Дорошенко, бросил на стол. Глухо звякнуло серебро: два георгиевских креста на стареньких ленточках.

- Возьми свои кресты, дед!

Старик растерянно посмотрел на кресты, потом на офицера, потом опять на кресты.

- Может, я что обидное тогда сказал? - пробормотал он. - Так извините...

- Нет, чего уж! - усмехнулся офицер.

- Это за немцев кресты. Ерманцами мы их тогда звали. Ты уж не осуди, родимый! Горькое у меня в те поры сердце на вас было.

- А у меня? - закричал Дорошенко. - А мне легко было? Из родных-то мест уходить?

- Большое тогда было отступление...

- Мне, может, каждая бабья слеза душу легла. Ведь и мои где-то... так же... - Он стиснул кулаки и сказал уже тише: - Нет, ты забери свои кресты, дед. Спрячь! Ты мне их чуть не в лицо кинул, а я поднял... и все за собой таскал. Тяжелые твои кресты, дед! Возьми! Теперь мне не надо. Теперь мы немцев не хуже вашего бьем. - И он вдруг засмеялся.

Засмеялся и старик.

- Признал теперь, дед, вспомнил? - смеялся Дорошенко.

- Как не признать!

Дед взял лампу со стола, поднес к лицу офицера.

В мрачных глазах Дорошенко запрыгали огоньки.

- Ну, такой же? - усмехаясь, спросил офицер.

- Словно бы рубцов прибавилось... ась?

- Солдату рубец что Георгиевский крест. И у тебя, дед, словно б морщин больше стало.

- Ох, сынок! - Война все метит. Вас, военных, - шрамами, нас, отставных, - морщинами. - Он вдруг неожиданно, по-стариковски всхлипнул. Пришли-таки избавители! Не обманули!

- Не обманули, дед? - обнял его за плечи Дорошенко.

- Не обманули.

Кто-то кашлянул за спиною Дорошенко.

Только сейчас, оглянувшись, увидел Дорошенко, что в хате еще человек есть. Видно, лежал он раньше на печи, а сейчас, свесив босые ноги, вслушивался. Был это человек средних лет, в суконной солдатской гимнастерке.

- Вы что, товарищ, боец? - хмуро спросил Дорошенко.

- Я не боец, - мягко улыбнулся босой человек. - Извините, что нарушил вашу беседу. Уж очень интересно!

- Ночует у меня... - сказал старик. - Комендант поставил...

Человек неловко спрыгнул с печи, обул сапоги.

- Позвольте представиться, - сказал он. - Корреспондент армейской газеты "Во славу Родины".

- А-а! - улыбнулся Дорошенко. - Как фамилия?

- Нет-нет! - испуганно замахал руками корреспондент. - Я не писатель, я только так... корреспондент... фамилия моя никак не звучит. Впрочем, смущенно улыбнулся он, - зовут меня Автономов.

- Дорошенко, - представился офицер. - Видите, и моя фамилия... никак не звучит.

- Понимаете, - сокрушенно сказал Автономов. - Все принимают меня за писателя. И спрашивают имя. А я просто маленький журналист... вот такой... с ноготок... До войны я в районной газете работал...

- До войны... - задумчиво сказал Дорошенко. - Давно это было!

Старик снял с печи и поставил на стол котелок дымящейся картошки.

- Что же, - спросил он, - долго погостите у нас?

- До зари, - ответил офицер. - Нельзя больше.

- Семья у вас... там? - тихо спросил корреспондент.

- За Днепром... - не сразу ответил Дорошенко. - Ждут... (Пауза.) Может, одни могилы ждут, а торопиться надо...

...Прямо на зрителя, с штыками наперевес, бегут бойцы.

Пот на разгоряченных лицах.

Пыль из-под сапог.

Вытянув вперед руку, кричит передний:

- Днепр, ребята!..

- Ложись! - кричит лейтенант Вася Селиванов неуклюжему человеку в солдатской шинели, пробирающемуся ходом сообщения.

Человек падает около Васи. Их обоих осыпает землею.

- Веселый будет бой? - усмехается человек в шинели, стряхнув с себя землю. Мы узнаем в нем Автономова, корреспондента.

- Вы?! - радостно восклицает Вася. - Ну, слава богу! Значит, сегодня будем форсировать Днепр!

- С чего вы взяли?

Селиванов хитро подмигивает ему:

- Ну, раз корреспондент приехал, значит!.. Вы ведь к нам

даром не ездите...

- Что ж зря вас беспокоить? - говорит Автономов и вытаскивает из сумки толстый растрепанный блокнот.

- Еще одно последнее сказанье? - смеется Вася. - Много уже блокнотов исписали?

- Много! - смущается Автономов. - Полный вещевой мешок. А зачем, - сам не знаю. Газетка наша маленькая...

- Летопись войны напишете?

- Где уж мне! (Пауза.) Ну-с?

Свист снаряда. Оба пригнулись. Разрыв. Столб земли позади них.

- Пишите! - говорит Селиванов. - Артиллерийский дождь, как летний ливень, уже много суток...

- Нет, вы, пожалуйста, не для печати говорите. Вы, пожалуйста, говорите просто. Как есть.

- Тогда идите к комбату! - обижается Вася. - Он мужчина суровый.

- А где комбат?

- Вон лежит и в бинокль смотрит. Послушайте! А ведь это опять вам сюжет. Человек на переднем крае рассматривает в бинокль свой собственный дом.

- Да? Дошел-таки?

- Дошел. Теперь переплыть надо!..

- Идем к комбату! - взволнованно говорит Автономов.

Они, пригнувшись, идут по ходу сообщения.

...Капитан Дорошенко лежит в окопчике - у стереотрубы. Через трубу видно: за Днепром, на том берегу, небольшой украинский городок, в садах.

Жадно припал к трубе Дорошенко. Не обернулся, когда подползли Автономов и Вася. Они легли рядом с ним.

С Днепра потянуло ветерком...

Листва зашумела в садах...

- А дымка-то нету!.. - вдруг говорит Дорошенко.

- Что?

- Над моею хатою... дымка-то... нету! - глухо повторяет капитан и отодвигает стереотрубу.

...Снаряд падает в реку...

Столб воды...

Канонада.

Мелькнула лодка, на которой Дорошенко и Автономов.

Снаряд упал рядом...

Солдаты выпрыгнули из лодки на берег.

Песок...

Хриплое "ура"...

И - тишина.

Камыш.

...Горький дымок ползет над пепелищем...

Освобожденный город тих и пуст.

По улице медленно идет Дорошенко.

Он словно боится увидеть родной дом.

А в пяти шагах от него, как тень, неслышно идет Автономов, корреспондент.

Дорошенко подходит к дому.

Певуче простонала калитка...

В палисаднике, под окнами, - могилка.

Ни креста над ней, ни знака.

- Чья?

Задрожал Дорошенко, чуть не упал. Прислонился к изгороди.

- Чья? - прохрипел он.

Никто не ответил ему.

У калитки смущенно остановился Автономов.

Дорошенко рывком бросается в дом.

Упала висевшая на одном гвозде дверь.

Мусор и хаос в передней...

Битое стекло...

Холодный, нежилой дом...

Дорошенко вошел в большую комнату. Вероятно, здесь была столовая. Сейчас в ней - запустение, битая мебель, грязь.

Дорошенко прислонился к косяку двери. Закрыл глаза, и вспомнилось:

Большой стол - большая семья за ним. Много друзей. Во главе стола он сам, в пиджаке. Рядом с ним пышнотелая и красивая жена. Тут же дочка, Галя, пятнадцати лет. Шустрый, вихрастый Юрка. И гости... Все подпили, все веселы.

Наклоняется к Дорошенко агроном Шулейкин, говорит:

- Завидую я тебе, Игнат Андреич! И жена у тебя красивая, сдобная. И детей много, и дети хорошие, и сам ты, председатель, при полном здравье... До высокого места дойдешь! - И Шулейкин чокается с ним.

Разбивается бокал, осколки со звоном падают на пол... Стоит Дорошенко, прислонившись к косяку двери, - офицер в запыленной гимнастерке и буро-желтых от глины сапогах.

Наконец отрывается он от косяка и медленно идет по пустому дому. Сзади чуть слышно, как тень, идет Автономов... Дорошенко входит в спальню.

Знакомое старенькое платье жены валяется на полу. Дорошенко поднимает его... роняет...

Над туалетом, на одной кнопке, болтается фотография Гали,

дочки...

В открытом ящике - маленькая стопочка писем. Дорошенко берет их. Читает.

"Мамочка, родненькая! Я пишу тебе из немецкого города Ландсберга, куда нас пригнали неделю назад. С Юриком нас разлучили еще в Польше, и где он не знаю. Ах, мамочка! Если б я могла написать все, что переживаю и чувствую, - но все писать нельзя, и слезы душат меня. Где мое детство? Где моя мамочка дорогая, где мой папа, где родина, где Юрик, где подруги?"

Зажав письмо в руке, идет Дорошенко.

Его лицо черно. В мрачных глазах застыла невыкатившаяся слеза.

Он входит в кабинет.

Здесь, видно, жил немец. Здесь еще пахнет жильем.

Чужой запах. Чужие вещи. На спинке кресла болтается немецкий мундир. На столе - рюмки, огрызки еды. Немцы бежали в панике.

На столе большой портрет немца-офицера. Он улыбается гордо и самодовольно. Дорошенко опускается в кресло у стола. Молча сидит он, словно окаменев.

А в раскрытое окно лезет, лезет ветка акации и - как три года назад сыплет лепестки на подоконник.

В дверях появляется Автономов...

Кашлянул...

Не обернулся Дорошенко.

Сидит молча.

Машинально трогает вещи на столе: свои вызывают воспоминания, чужие напоминают о том, что случилось.

Чужая трубка на столе. Чужой кисет. Своя пепельница.

Свой письменный прибор. Неотправленное письмо попадается Дорошенко на глаза.

На конверте немецкий адрес.

Механически берет Дорошенко письмо. Из конверта сыплются на стол фотографии. Это все портреты того же немца-офицера... Вот он на улице... Вот он с товарищами... Вот опять он...

И вдруг, как зверь, закричал Дорошенко.

Так страшно крикнул он, что задрожал Автономов у двери.

Мы видим фотографию, которую держит в руке Дорошенко.

Вот она крупно, на весь экран:

У виселицы - жена Дорошенко. На ее груди вывеска: "Жена бандита Дорошенко". И рядом - веселый, щеголеватый немец-офицер, тот, чей портрет на столе.

Заплакал Дорошенко.

Упал головой на стол, рыдает...

Тихо подходит Автономов. Сочувственно наклоняется к другу. Трогает за плечо. Подымает голову Дорошенко. Смотрит на журналиста. Не узнает, и не удивляется, и не говорит ничего.

Страшны сейчас глаза Дорошенко!..

Он снова берет конверт...

Немецкий адрес на нем. Вероятно, адрес семьи офицера-палача...

- Ничего, капитан! - пытается утешить Автономов. - Ничего, брат!..

А Дорошенко смотрит на конверт. Сухой ненавистью горят сейчас его глаза. Он читает адрес на конверте:

- Герр Отто Шульц. Берлин. Моабит. Моабитштрассе, 117.

И повторяет:

- Берлин. Моабит.

И это звучит как приговор.

...Прямо на зрителя ползет танк.

Танковый десант на нем.

Веселые лица.

Жидкая грязь из-под гусениц.

Вытягивается во весь рост пехотинец, протянув вперед руку, кричит:

- Ингул, ребята!

...Человек двадцать солдат выстроились на улице сожженного села.

Это - пополнение.

Новенькие шинели еще топорщатся горбами на спинах. От шинелей еще пахнет складом.

Капитан Дорошенко вышел к солдатам.

- Здравствуйте, товарищи! - сказал он негромко.

- Здравь желаем! - нестройно ответили бойцы.

Капитан скользнул взглядом по обмундированию.

- Пополнение? Хорошо. Нужно. - Опять посмотрел. - Воевали уже?

Солдаты смущенно заулыбались.

- Да нет, не воевали! - ответил, наконец, пожилой солдат. Его звали Иван Слюсарев. - Только охоту имеем.

- И не отступали, значит? - уточнил Дорошенко.

- Нет...

- И как мы хлеб на полях жгли - не видели?

- Не видели...

- И как фашист злодействовал на нашей земле - не видели?

- Знаем, а... не видели...

- Вы откуда родом-то? - усмехнулся Дорошенко.

- Сибиряк я... Иркутской.

- А-а! Значит, там... впереди-то... никого у вас нет, семейных?..

- Нету. - Слюсарев немного смутился. - А что?

- Ничего, - ответил Дорошенко. - Просто знать надо, - помолчал немного. - Мне злой боец нужен. Злой на гитлеровца. А вы... вы горя не видели.

Слюсарев посмотрел на него, чуть усмехнулся.

- А мы и не из злости на войну пришли. Мы - по сознанию...

- У нас не за себя злоба на врага, - проговорил другой солдат. - У нас на него сердце за всею Расею...

- А у меня, ребята, - вдруг тихо сказал Дорошенко, - гитлеровцы всю семью разорили... - Он скрипнул зубами. - До Берлина я должен дойти.

- Что ж, - улыбнулся широкой светлой улыбкой Слюсарев. - И мы, гляди, собрались на Берлин.

...Развезло дороги... Грязь... Наступление...

Меся бурую глину, бредут бойцы.

Тяжко!

Дождь.

Завернувшись в мокрую плащ-палатку, весь обрызганный грязью, похудевший и измученный, идет впереди своей роты Вася Селиванов.

- Д-да... - говорит он Автономову. - Грязное дело - война!

Корреспондент застрял в грязи. Сапог увяз. Автономов с трудом вытаскивает сапог и обувается.

- Тяжело? - спрашивает он не то себя, не то идущего мимо бойца.

- Ничего! - отвечает солдат. Его зовут Бровкин Егор. Он останавливается, вытирает пот со лба. На его спине - плита миномета.

- Ничего! - повторяет он. - Вперед идем! - И улыбается. - Когда назад шли, действительно нога была тяжелая, неохотная. А как вперед идем - нога легкой стала, сама тянет.

- И технику на себе тащите?

- А что сделаешь! Транспорту ходу нет.

- А человеку?

- Человеку что! Человек все может! - И солдат проходит дальше.

Корреспондент задумчиво смотрит ему вслед. Потом вытаскивает блокнот, записывает, бормоча про себя:

- Дороги наступления... Техника - на спине... - Задумывается, смотрит на дорогу, потом пишет снова: - Они слились вместе, в одно тело, - воин и его оружие, стальная плита и человек. И еще не известно, в ком из них сталь крепче.

Подходит Селиванов.

- Да... Про то, как мы форсировали реки, уже и песни и поэмы написаны, - говорит он. - А кто напишет про то, как мы эту грязь проклятую форсируем? Напиши хоть ты, Федор Петрович!

- Таланта нет... - вздыхает Автономов.

А мимо идут и идут бойцы...

...Сумерки. Останки сожженного села. Остовы печей. Трубы. Пепелище.

Батальон остановился на ночь. Сгрудился около единственного уцелевшего дома.

Море грязи вокруг. Ни лечь, ни сесть...

Солдаты отдыхают стоя, прижавшись спинами к стенам дома.

Они облепили весь дом, со всех четырех сторон.

Стоя дремлют...

Падает дождь.

В хате у очага греется дежурная рота.

Тесно.

Бойцы стоят вполоборота к огню, чтоб всем достался "паек тепла".

Обеих рук к огню не протянешь - тесно, и каждый держит над огнем одну правую руку.

- Словно присягают над огнем, - говорит Автономов.

...И снова дороги... Грязь... Наступление...

Сожженные села...

Обугленная земля...

Пустынная степь...

Хмуро шагает Дорошенко. Рядом с ним его ординарец, веселый украинец Савка Панченко.

- Все чисто сжег неприятель... - говорит Савка. - От какая история, товарищ капитан!.. Чисто пустыня...

Молчит Дорошенко...

- Ничего! - говорит Савка. - В Берлин придем! - он улыбается и косится на капитана.

Не улыбается Дорошенко.

Он теперь никогда не улыбается.

...Он стоит в хате у большой карты Европы и мрачно смотрит на нее. Словно меряет взглядом путь от Кривого Рога до Берлина.

- Далеко? - усмехаясь, спрашивает Автономов.

- Ничего!

Савка сидит на подоконнике, подбирает на баяне музыку к новой фронтовой частушке.

Мы в степях Кривого Рога

Скрутим их в бараний рог...

- Далеко! - говорит, вздыхая, Автономов. - Грязь...

бездорожье... Д-да. А сколько их еще впереди - гор, рек, линий обороны?

- Ничего! - негромко произносит Дорошенко. - Дойдем! - И после паузы, словно про себя: - Берлин, Моабитштрассе, сто семнадцать.

...Разбрасывая комья липкой грязи, ползет через сожженное село "виллис" и застревает посреди улицы.

Из машины выскакивает американец в форме военного корреспондента. Он весь забрызган грязью.

- Грязь, грязь! - кричит он по-русски, но с сильным акцентом. - Война это грязь!

На него с любопытством смотрят бойцы, - они сидят на корточках у стены хаты и едят.

Корреспондент (он быстрый, экспансивный, взбудораженный) подбегает к ним.

- Почему вы наступаете? - сердито кричит он. - Какой сумасшедший наступает в такую грязь? И какой сумасшедший дьявол побеждает в такую грязь? - Он вдруг хватает за плечи солдата - это Слюсарев - и трясет его. Вы колоссальные герои, черт вас возьми! Только русские это могут! - Он восторженно хохочет. - Я буду писать о вас! What is your name? Как ваше имя? Я буду писать о вас!

- Слюсарев, Иван... - смущенно отвечает солдат и подымается с земли, продолжая держать в руках банку свиной тушенки.

- Слюсарев! - взвизгивает корреспондент. - Богатырь. Есть такое русское слово, а? Вы - богатыри! Я плевать хотел на Сахару и джунгли Бирмы. Там плац для игры в регби, не больше. Война - здесь. Я буду писать о вас. Вы спасли мир!

Подошли Автономов и Вася Селиванов.

Американец, как волчок, быстро повернулся к ним и сердито закричал:

- Да, да, не спорьте со мной, пожалуйста! Вы спасли мир. И это я вам говорю. Меня зовут Мак Орлан, корреспондент. Если бы не вы, Гитлер свернул бы шею старушке Англии. Вот так, - он показывает рукою. - Крак! Как это... Как курице!.. - Он хохочет. - Я буду писать о вас. Ваше имя?

- Лейтенант Селиванов.

- Автономов, корреспондент.

- Корреспондент? - обрадовался американец. Хватает его руку: - Я хочу трясти вашу руку, черт вас возьми. Русский корреспондент! О'кей! Я говорю от имени моего шефа: дайте нам статью... Нет, десять статей об этой войне, будь она проклята! И о том, как вы бьете немцев. Мир хочет знать русских героев. Америка любит русских. Мой шеф хорошо платит за статьи о

русских...

- Извиняюсь... - вежливо откашлявшись, вступил в разговор Иван Слюсарев. - Разрешите обратиться. А как там... не слыхать насчет второго фронта?

Бойцы подошли ближе.

- Второй фронт? - захохотал Мак Орлан. - Не спрашивайте меня о втором фронте! Спросите Черчилля! - Он вдруг увидел банку свиной тушенки в руках Слюсарева. - О! Свиная тушенка? Американ? Вот - второй фронт! А? Хорошо?

- Свиная тушенка? - переспросил Слюсарев. - Нет, нехорошо. Невкусно. "Студебеккеры" - хорошо, а свиная тушенка - уж вы не обижайтесь неважная...

- Свиная тушенка нехорошо? - захохотал Мак Орлан. - Я буду писать это! Свиная тушенка нехорошо, второй фронт лучше. Но свиная тушенка есть, а второй фронт - нету. Я буду писать это! Вам нужен второй фронт.

- Нам еще нужен второй фронт.

Это сказал Дорошенко. Он незаметно подошел сзади. Все обернулись к нему.

- Нам еще нужен второй фронт сегодня, - повторил он. (Пауза.) - Через год нам уже не нужен будет второй фронт. Мы сами разобьем фрицев... И придем в Германию...

Американец удивленно и чуть испуганно посмотрел на него.

- Вы одни придете в Германию? - переспросил он тихо.

- Придем. И в Германию... и в Берлин... и на Моабитштрассе.

...Прямо на зрителя мчатся машины.

Пехота на грузовиках.

Пыль из-под колес.

Пыль на касках.

Солдат на грузовике вытянул вперед руку, кричит:

- Буг, ребята!

...Буг.

Зачерпнув котелком воду, пьет Савка Панченко.

Пьет долго... булькает вода в глотке.

Вокруг - солдаты. Стирают портянки, купаются, лежат на песке...

- Ну как, скусная? - спрашивает его солдат Бровкин. Савка недоуменно чмокает губами.

- Не пойму... - говорит он наконец. - Вода як вода...

- А ты что ж думал, молоко?

- Молоко не молоко. А все ж таки! - И разочарованно прибавляет: Необыкновенная должна б тут быть вода. Пограничная...

...Стоят на крутом берегу Буга солдат Иван Слюсарев и сапер.

Слюсарев искупался. Гимнастерку чистую надел.

Расчесывает бородку.

Ласково смотрит на реку.

- До края дошли, - говорит он. - Свою землю освободили, на чужой стоим.

- Что ж, не пойдем дальше? - лениво спрашивает сапер.

Слюсарев думает.

- Отчего не пойти? - отвечает он, наконец. - У русского человека душа добрая. Пойдем, что ль, теперя чужих освобождать?

...Забрызганный грязью фронтовой "виллис" подкатывает к саду. За рулем - старший лейтенант Вася Селиванов. Рядом майор Дорошенко.

Они идут в сад и там у редакционных машин находят Автономова. Корреспондент радостно здоровается с офицерами.

- Вот гости так гости! - восклицает он.

Вася с любопытством смотрит, как из походной ротации падают отпечатанные экземпляры газет. Большой портрет бойца все время мелькает перед ним.

- Вот она где делается, солдатская слава! - говорит Вася. - Ну, показывай, Федор Петрович!

- Торопимся мы, - перебивает его Дорошенко. - В штаб вызывали, ну и... А я с просьбой к вам, Федор Петрович.

- Прошу!

- Д-да... - пожевал губами майор. - С просьбой...

Задумался, молчит.

Молчат все.

Только ротация стучит да стучит.

- Тихо у вас тут в тылу, хорошо! - негромко произносит Вася и оглядывается. Яблоко упало с ветки.

- Я слушаю вас, Игнат Андреич! - говорит Автономов.

- А, да!.. Странная, конечно, просьба, вы извините. Вот вы... журналисты... вы как птицы, вы всюду летаете. Сегодня здесь, завтра там. Так ведь?..

- Ну да!.. - ничего не понимая, соглашается Автономов.

- Да. А мы узкой полосой живем. В узкой полосе наступаем. По уставу: два километра по фронту.

- Из окопа в окоп, как кулик с кочки на кочку... - смеется Вася.

- Я хотел попросить вас, - глядя в землю, продолжает майор. - Помогите мне... детей моих найти!..

Вздрогнул корреспондент, растерянно смотрит на майора. Притих Вася.

- Мы сейчас Польшей пойдем, - продолжает майор. - Лагеря, тюрьмы - все тут. Может, попадутся вам на пути? А? Девочку

Галей звали... Сейчас ей... да... семнадцать лет... Косички русые... А мальчик - Юрик. Ему одиннадцать. Вот я вам карточку покажу.

И, торопливо достав карточку, дает ее корреспонденту.

Две детские головки, русая Галина, вихрастая Юрина.

Дорошенко с мольбой смотрит на корреспондента.

- Так не забудете? Девочку Галей звали... мальчика Юриком...

И, круто повернувшись, уходит.

Корреспондент растерянно смотрит ему вслед.

- Я буду искать... - тихо говорит он.

...Стоят на берегу Буга солдат Слюсарев и сапер.

- Ну что ж! - говорит Слюсарев. - Пойдем Польшей. Не знаю, может, ногам по чужой земле будет тяжелей идти, а душе, душе, я считаю, будет легче. Чужая слеза не жжет! Чужое горе - не свое!

...Идут войска Польшей...

Дороги... улицы... лесные просеки... поля...

Едут верхом Вася Селиванов и Автономов.

Под Васей - резвый жеребец, у Автономова - тяжелая артиллерийская лошадь.

- Ну, как командир? - спрашивает корреспондент.

- А ничего! Воюет.

- Тоскует?

- Нет. Теперь, кажись, надеется, - отвечает Вася и косится на лошадь Автономова. - Где вы такую кобылу добыли?

- А что? - обеспокоился Автономов.

- Ничего! - усмехается Вася. - Могучий конь. Трактор!

- Артиллеристы одолжили... Я сейчас у них был... Едут.

- Нет! - вдруг, встряхнув кудрями, говорит Вася. - Одинокому парню на войне лучше! Живешь, как птица поет... без вздоха.

- Едут.

- Ато что ж? - продолжает Вася. - И не засмеется он никогда. Туча тучей. Бойцы и то обижаются. Солдат любит, чтоб командир веселый был. С веселым командиром и воевать веселей... и умирать веселей...

- Эх, Вася! Война-то - невеселое дело!.. Смерть, кровь, горе, грязь...

- А на это на все наплевать надо! - вдруг рассердился Вася. - И не смотреть! Да! - После паузы, тише: - Я теперь, Федор Петрович, циником стал. Я теперь на все равнодушно смотрю. Я бесчувственный... - И он даже сплевывает через плечо.

- Ой ли? - смеется корреспондент.

...Идут войска Польшей...

Вот ворвались в город... дерутся на улице... рвут колючую проволоку...

Вот бежит по узкой улице среди готических зданий

закопченный пороховым дымом солдат Иван Слюсарев.

Бежит с винтовкой наперевес.

- Выходите, люди! - кричит он. - Немца больше нет!

Вот сильным рывком вышибает Савка Панченко дверь в подвал. Кричит в темноту:

- Эй! Живые есть? - Ждет секунду и опять: - Эй, выходи, не бойсь! Мы прогнали немцев!

И тогда из подвала робко выходят люди. Это поляки. Они идут словно слепые, зажмурив глаза и спотыкаясь.

Ветер ударил им в лицо. Солнце брызнуло в глаза. Они жадно открывают рты, дышат, дышат всей грудью, впервые за много месяцев.

И один из них говорит удивленному Савке:

- Семь месяцев, проше пана, не видел солнца... - И объясняет: - Я из Майданека убежал...

Вот идет по разрушенной улице Вася Селиванов. На колючей проволоке, на фонарях, на домах огромные доски с надписью:

"Verboten".

"Воспрещается".

Вася останавливается у одной доски, подымает с земли еще дымящуюся головешку и ею - как карандашом - зачеркивает надпись и пишет: "Разрешается"!

- Разрешается! - говорит он полякам, окружившим его. - Все разрешается! Жить, дышать, существовать, работать! Разрешается!

Идут советские солдаты Польшей...

Измученные люди приветствуют их.

У колодца, у распятья, распростерши руки, словно желая обнять солдат, стоит плачущий от счастья старик поляк. На перекрестке дорог, у часовенки, стоит женщина с ребенком. Ребенок машет солдатам ручонкой. В часовне мадонна с ребенком. Мадонна кажется беженкой.

Идут советские солдаты... полевой дорогой...

И Савка Панченко продолжает свою песню, начатую им на Дону.

...Стихает песнь...

Солдаты подходят к какому-то огромному лагерю.

Электрифицированная колючая проволока в четыре ряда окружает лагерь.

У ворот - полосатые будки. Немцев нет.

Солдаты входят в ворота.

Это лагерь смерти.

Трупный запах висит в воздухе...

Бараки... Виселица... Колокол на столбе посреди плаца...

Притихшие идут солдаты.

Вася Селиванов впереди.

Они подходят к какому-то странному сооружению.

Трубы, похожие на фабричные.

Удушливо пахнет мертвечиною.

Крематорий.

Лежат не сожженные еще трупы...

Отдельно - головы...

Стол, на котором разделывают трупы.

Печи.

Темные носилки с трупами у печи.

Осторожно, словно по кладбищу, идут солдаты.

Каменное лицо у Васи Селиванова: он привык к трупам.

Солдаты подходят к какому-то бараку.

Здесь - склад женских волос, скальпы, содранные с убитых женщин.

Русые косы... Черные косы...

Склад обуви. Гора ботинок, сапог, туфель...

Солдат Иван Слюсарев подымает детский башмачок с помпоном.

Смотрит.

Слеза на глазах солдата...

- Крошкой был... - говорит солдат и смахивает слезу.

Вдруг свирепеет Вася.

- Брось! - кричит он, вырывает башмачок, сжимает его в кулаке и трясет им: - Ничего! Ладно!..

...Они идут по этим страшным местам странно молчаливые, горькие, - у каждого кровоточит душа.

Но не плачут солдаты - они не умеют плакать.

Поле за полем проходят они... Через буйную, выращенную на человечьем пепле капусту, мимо рвов с трупами...

На пятом поле у бараков с красным крестом их, наконец, встречают люди.

Это толпа уцелевших заключенных.

Калеки, безногие, безрукие, изможденные, юноши, ставшие стариками, девушки-старухи, дети на костылях в полосатой тюремной робе - они безмолвно смотрят на освободителей и плачут от счастья.

Вася Селиванов останавливается перед ними.

- Русские? - спрашивает он.

Растерянно молчит толпа.

Длинный, худой, похожий на скелет поляк выступает вперед. Он показывает на букву "Р" (П) на своей робе.

- Я есть поляк! - говорит он. - А то, - показывает на других,

тыча пальцем в их метки, - чех... француз... болгар... бельгиец... грек... Опять чех... хорват... серб... голландец... норвежец...

- Вся Европа в общем! - усмехнулся Вася, посмотрел на калек. - Горькая ж вы Европа! - обернулся к своим. - Что ж, ребята, будем Европу освобождать!.. - Слюсареву: - Веди людей в батальон, пусть их там покормят...

Слюсарев смотрит на эту страшную толпу и говорит негромко:

- Пошли, что ль, бедолаги!.. - И после паузы со вздохом: - А я-то думал: чужая слеза не жжет!

Француз выходит вперед и что-то пылко произносит.

Поляк переводит:

- Он говорит: "Спасибо вам! Теперь мы будем жить!.." Жить! - повторяет поляк и плачет.

Слюсарев идет через лагерь, а за ним ковыляет все это мученическое человечество...

- Они будут жить!

Поляк подходит к Селиванову и говорит, с трудом подбирая русские слова:

- В том доме... проше пана... русская девушка есть... Умирает... - И показывает на барак. - Я покажу!

Он идет в барак, и Вася - за ним.

На койке лежит что-то, закутанное в тряпье, и стонет. Боже, как она стонет!..

Вася наклоняется над койкой. Неловкой рукой отбрасывает тряпье и видит спину.

Страшная это спина!

Словно кожу содрали с нее, и кровь запеклась черно-бурой массой...

- Били... ой, Иезус-Мария, как девушку били!.. - шепотом объясняет поляк. - Потому что русская. А потом привязали к столбу, и целый день она стояла там... пока фашисты не убежали... а мы вызволили...

Селиванов наклоняется к девушке...

Русые косы у девушки... Ей лет семнадцать.

- Косы-то русые... - хрипло говорит Вася. - Как звали ее?

- Не вем... Тут имен не знают... Я и свое имя почти забыл...

Вася бережно берет девушку на руки, подымает и несет из барака. А в глазах воина слезы. Они бегут по лицу, а он не замечает их... Он несет ее через весь лагерь.

Навстречу ему идет колонна пленных. Они идут, потупив вороватые глаза, стараясь не глядеть на печи, на трупы...

Они идут мимо колонны, которую ведет Слюсарев.

Остановилась колонна. Мученики лагеря увидели фашистов.

Подняв костыли, они на всех языках мира кричат:

- Убийцы! Садисты!.. Бандиты!

Стоит Вася с девушкой на руках. Виновато проходят пленные.

...Случайный домик у дороги. Штаб полка на походе.

- Нет, пока не нашел! - говорит Автономов майору Дорошенко и разводит руками.

Дорошенко молчит.

- Но вы не теряйте надежды, Игнат Андреич! - робко прибавляет корреспондент. - Польша вся впереди...

Ударом сапога открывается дверь.

Появляется Вася Селиванов с девушкой на руках.

Молча несет он ее через комнату и кладет на диван.

Майор и корреспондент тревожно следят за ним.

Вася вытирает пот со лба, смотрит на Дорошенко.

Глухо говорит:

- Девушка... Косы русые...

Дорошенко бросается к дивану. Склоняется над девушкой.

Долгая пауза.

Наконец, подымает голову майор.

Смотрит перед собою. Мрачные его глаза полны слез.

- Как же поступать теперь с врагами? - тихо спрашивает он. - Как же поступать теперь с ними?

Тихо стонет девушка.

Вася осторожно подходит к ней. Наклоняется.

- Как же звать тебя? - тихо плачет он. - Вера? Лида? Надя? - (Пауза.) Тихо стонет девушка. - Как же мне называть тебя?

...Прямо на зрителя ползут самоходные орудия.

Грохот тяжелых машин.

Теплый, летний дождь...

На орудийном стволе сидит мокрый и веселый боец.

Вытягивает руку. Кричит:

- Висла, ребята!

...Берег Вислы. Сумерки. Окоп.

В нем - солдат Иван Слюсарев и Савка Панченко.

Савка мурлычет свою песенку, начатую еще на Дону.

Теперь в ней строфа о Польше.

- Варшава горит!.. - говорит Слюсарев, показывая на противоположный берег. - Знаменитый город Варшава.

- А ты был в нем?

- Не был. (Пауза.) Буду.

- А как убьют?

Слюсарев смеется:

- Как меня убьешь? Я бессмертный. Я, брат, до Берлина дойду. Теперь недалеко. Всего раза три переобуться.

- Смотри, смотри! - вдруг вскрикивает Савка. - Плывет кто-то...

Теперь видно: по реке кто-то плывет. Только одна голова видна.

- Стреляй! - шепчет Савка. - Стреляй!

- Подстрелить всегда успеем... - рассудительно отвечает Слюсарев. Покуда я его на мушку возьму.

Ближе подплывает человек к берегу.

- Девка! Ей-бо, девка! - удивленно шепчет Савка и даже хватается за винтовку Слюсарева.

- Не сбивай прицел! - сердито ворчит Слюсарев. Девка не девка, а на мушке я ее подержу!

Измученная девушка выходит из реки и падает на песок...

...И вот она сидит и пьет чай в ротном блиндаже.

Здесь Вася, Автономов, Слюсарев, Савка...

На плечи девушки наброшена чья-то шинель.

- Значит, вы от варшавских повстанцев? - спрашивает ее Вася.

- Да... - отвечает она, улыбаясь. - Я из Жолибужа.

- Вы смелые ребята!

- Мы продержимся. Но нам нужна помощь: боеприпасы и сухари.

- Мы отвезем вас к командующему, - говорит Автономов.

- Мы слышали о нем, - говорит девушка. - Как я рада, что я среди вас!.. - Она почти с неясностью оглядывает и блиндаж и всех, кто в нем.

- Вы очень хорошо говорите по-русски... - замечает Вася.

- Да? - усмехается девушка.

- Да. Вы говорите без акцента, ну просто как русская.

- Я и есть русская.

- Русская? - удивляются все в блиндаже и даже ближе подходят к девушке.

- Да, я русская.

- Может, землячка? - оживляется Слюсарев. - Не сибирячка?

- Случаем, не харьковчанка? - отзывается Савка. - Харьковских много в Германию угнали.

Девушка молчит.

Потом произносит медленно:

- Н-не знаю...

Пауза. Все удивленно смотрят на нее.

- У меня нет родины... - печально объясняет она. - Мой отец был петербуржец, мать - волжанка. А я... я родилась в Казанлыке. - Она усмехается. - Вы, конечно, и не слыхали такого города. Это в Болгарии. Потом мои родители бродили по свету... Искали пристанища, работы, хлеба... и я с ними... - И совсем

тихо: - Меня зовут Ирина... В цитадели меня зовут Ирен.

...На полковом "виллисе" офицер штаба и Ирина едут в штаб фронта. Едут лесом. На Ирине все та же солдатская шинель.

Они едут молча.

Вдоль дороги то тут, то там - небольшие холмики: могилы советских воинов.

И когда машина проходит мимо могилы, офицер молча и сурово козыряет.

Так они едут...

Вдруг Ирина тронула офицера за рукав:

- Остановитесь на минуту.

Машина остановилась.

- Я хочу подойти... - смущенно сказала Ирина.

Они сходят с машины и подходят к могиле. На ней простой деревянный знак: пятиконечная звезда на верхушке.

На дощечке химическим карандашом написано:

"Здесь погребен товарищами гвардии рядовой Левшин Афанасий Павлович, отдавший свою молодую жизнь за братскую Польшу".

Ирина отломила с дерева несколько веток. Кладет на могилу.

- Умирать не страшно, нет! - говорит она вдруг. - Я теперь это знаю. Но как страшно умирать вдали от родины... на чужой земле... в чужом лесу...

- Он не боялся этого! - отвечает офицер, показывая на могилу. - И не думал об этом. Просто дрался. Просто умер. Левшин Афанасий Павлович.

Он козыряет могиле и, сумрачный, идет к "виллису".

Снова едут они... Снова молчат...

И козыряют могилам вдоль дороги...

- Расскажите мне о России!.. - вдруг попросила Ирина. - Какая она?

- А вы, значит, никогда не были в России? - спрашивает офицер.

- Нет. - (Пауза.) Усмехаясь. - Впрочем, в снах - часто, очень часто... Еще девочкой я молилась на ночь, чтоб приснилась Россия. И она мне снилась...

- Какая?

- Необыкновенная!

- Колокола, тройки, березки, самовары?

Ирина печально посмотрела на него.

- Я знала, - говорит она чуть дрожащим голосом, - что вы будете смеяться надо мной.

- Нет, что вы, что вы! - испугался офицер.

- Я уже не девочка, - тихо и твердо говорит Ирина. - И я уже

видела такое, такое!.. Вам, счастливым, и не увидеть никогда!.. Ведь мы были на дне жизни, без родины, без нации, и... и без хлеба. Моя мать стала портнихой, отец... - Она смотрит перед собой. Бежит под колеса дорога. - Есть в Маниле, на Филиппинах, такой притон... "Олд мен" - "Старый человек"... Темная лестница... Дверь с решетчатым окном. И привратник в окошке... подозрительный и жестокий... Там я однажды нашла папу... Я опоздала на пять минут... - Она смахивает слезу с ресниц. - Нет. Лучше вы... расскажите мне о России.

"Виллис" с боковой дорожки из леса выскакивает на магистраль.

- Россия... гм! - пожимает офицер плечами. - Сразу и не расскажешь! Шутливо: - Ну, Советский Союз есть государство с двумястами миллионами жителей. - Он вдруг посмотрел на Ирину и смолк; такое у Ирины лицо!

Они едут молча.

Мимо идут войска. Растянулась на много километров походная колонна дивизии...

- Ну? - тихо повторяет Ирина.

- Россия!.. Да вот она - Россия! - вдруг говорит офицер и показывает на войска. - Вот она - Советская Россия на походе, одетая в солдатскую шинель, обутая в солдатские сапоги... Три года мы деремся с Гитлером... один на один... без второго фронта. И мы уж сломали Гитлеру хребет! Сами. (Пауза.) Наша страна разрушена... Нам бы строить сейчас, сеять, пахать... А мы здесь, в Польше... И дальше пойдем. В Чехословакию пойдем, в Австрию, в Германию. Мы уже не за себя воюем. Мы воюем за мир, за человечество!.. И будет очень обидно, - криво усмехается он, - если мир забудет это. Забудет, как мы дрались и умирали на чужой земле, за чужих людей, за чужой покой и счастье...

Взволнованно слушает Ирина...

А мимо проходят, проходят солдаты, советские воины. Суровые, обветренные лица. Соль на гимнастерках. Кровь на повязках раненых. Пот на запыленных лицах.

...Приемная командующего фронтом.

Офицеры с интересом, который, впрочем, они всячески маскируют, рассматривают Ирину.

- Девушка из Жолибужа, - шепотом говорит один молоденький адъютант другому.

Ирина волнуется.

- Пожалуйста! - улыбаясь, говорит ей адъютант-полковник и распахивает дверь.

Ирина входит к командующему.

...Берег Вислы. Сумерки.

Ирина прощается с офицером и Васей.

- Спасибо! - говорит она, пожимая им руки. - За все спасибо!

- Не за что! - улыбаются офицеры.

- За тепло, за ласку, за сухари...

- Раз командующий сказал - все будет сделано!..

- И главное, - говорит Ирина, - спасибо вам за то, что вы... вы вернули мне родину... Верните же нам и Варшаву!..

- Мы возьмем Варшаву, - просто отвечает Вася.

Девушка еще раз пожимает им руки, сбрасывает шинель и тихонько идет к воде.

В блиндаже пулеметчики настороженно следят за ней, чтоб, если надо, прикрыть ее огнем.

Вот Ирина уже на воде... Плывет...

- Русская!.. - улыбается Вася. - Ишь как храбро плывет!.. перекусывает былинку. - А Варшаву надо взять, и скорее...

...Бегут среди развалин волны.

Снег под ногами. Дым. Гарь.

Вытягивает руку передний, кричит:

- Варшава, ребята! - и припадает, раненый, к столбу.

На столбе надпись: "Берлин - 700 километров".

Все еще держась руками за столб, медленно сползает раненый. Мы узнаем в нем солдата Бровкина.

Сержант Иван Слюсарев тревожно наклоняется над ним.

- Эй, земляк! Ты что?..

- Ничего, Ваня, ничего... - стонет Бровкин. - Кажись, кончили меня, Ваня...

Пробегают мимо бойцы. Еще идет бой. И затихает вдали.

Мутным взором обводит Бровкин мир:

- Мы где? В Варшаве?

- В Варшаве, земляк, в Варшаве...

- А-а, ну вот!.. - удовлетворенно произносит Бровкин и затихает.

Медленно снимает шапку Слюсарев.

Падает снег. Голова сержанта становится седой.

Смотрит Слюсарев на столб. На нем стрелка на запад и надпись нерусскими буквами: "Берлин - 700 километров".

Поправил винтовку за спиною Слюсарев, надел шапку. И пошел по улице... на запад...

...Он идет по Маршальской, лучшей улице Варшавы... Руины, обломки, снег... бродят люди со скарбом.

Прямо на тротуаре горят костры.

У костра сидит старик поляк, подкладывает в огонь обломки кресла; много битой мебели вокруг. На костре котелок со снегом.

- Д-да... - произносит Слюсарев. - Знаменитый был город Варшава! смотрит вокруг. - Ничего! Отстроится. Много крови за нее пролито.

...Восторженные толпы на тротуарах.

Дым уличных боев.

Познань в "котле".

Грязный снег... и кровь на снегу.

Санитарка наклоняется над раненым.

Мы узнаем в нем Васю Селиванова.

- Больно? - спрашивает она.

- А, пустяк! - сердито отвечает он. - Не больно, а... обидно. Глупо! Ну, ведите уж куда надо, перевязывайте, режьте...

Со стоном он подымается на ноги, обнимает санитарку за плечи и, ковыляя, идет за ней, искоса и сердито поглядывая на девушку, словно она виновата в том, что он ранен.

Вдруг он останавливается.

- Постойте, постойте! - говорит он и впивается взглядом в лицо девушки. - Нет, постойте! - Он что-то вспоминает.

- Как же зовут тебя, девушка?

- Галя... - удивленно отвечает она.

- Да, да, Галя... Косы русые... Из лагеря смерти?..

- Д-да...

- Ну вот! - облегченно вздыхает Вася. - Теперь мы квиты. Волоки меня в медсанбат, Галя, я тебя на руках нес из лагеря смерти.

- Так это вы? - обрадовалась Галя. - Как я искала вас!

- Веди!..

Они идут по улице, через гарь и дым...

- Я долго лежала в госпитале... - взволнованно говорит по дороге Галя. - Ой, долго как! Осторожно, здесь камни. Меня лечили и вылечили, и... оставили в госпитале санитаркой... Но я... осторожнее, воронка!.. но я отпросилась в медсанбат. Я так ненавижу гитлеровцев, так ненавижу!.. Что с вами? Больно?.. - Она останавливается и тревожно смотрит на Васю.

Он бледен. Теряет сознание. Видно, что он не пустяшно ранен.

- А косы-то русые... - бормочет он в бреду. - Слышь, Дорошенко? И Галей... зовут...

...Он лежит в медсанбате.

Подле его койки Галя. Она улыбается:

- Ну вот, вы снова на земле...

- А что, бредил я?

- Все Дорошенко звали.

- А-а!

- И... и Галю Дорошенко. Это что... знакомая ваша?

- Нет. Незнакомая. Не видел никогда.

- Странно! - удивилась Галя. - А звали так страстно! (Пауза.) У меня тоже подружка была... Галя Дорошенко... В немецкой неволе подружились.

- Косы русые? - встрепенулся Вася.

- Русые... Как у меня...

- И лет ей?

- Семнадцать... как мне...

- И родом она?

- Украинка... С Днепра... Да что вы, что с вами?

- Где ж она теперь?

Галя посмотрела на него, отвернулась, сказала тихо:

- Не знаю. Нас разлучили в Ландсберге.

- Это где же?

- В Германии...

Вася сорвал с себя одеяло.

- Идем! - закричал он. - Идем, Галя! Скорей!

- Куда вы? - бросилась к нему Галя. - Лежите, лежите!..

- Послушай, Галя! Надо Дорошенко сказать. К Дорошенко идем. - Он заметался на койке.

- Лежите, лежите!

- Дорошенко надо сказать! - закричал сердито Вася. - Где Дорошенко?

...А Дорошенко уже подходит к германской границе...

Прямо на зрителя бегут бойцы.

Штыки наперевес. Лесная просека. Снег.

Протягивает вперед руку передний (мы узнаем в нем сержанта Ивана Слюсарева), кричит:

- Ребята! Гляди, ребята!..

Полосатый столб со свастикой. Граница. Германия. Подбегает к столбу Иван Слюсарев. Счастливые слезы бегут по его лицу.

- Дошел-таки! - говорит он и с размаху сбивает прикладом свастику.

Подъехал "виллис". Из него выпрыгнул майор Дорошенко. Огляделся. Увидел лес, пограничные казармы, столб - черный с желтыми полосами - и вдруг... расхохотался.

А Слюсарев внимательно пригляделся к Дорошенко.

Подошел ближе. Негромко сказал, прикладывая к шапке руку:

- Имею честь поздравить вас, товарищ майор! Германия! - И улыбнулся.

- Спасибо, товарищ! - сердечно ответил Дорошенко, и они попали через границу - офицер и солдат.

Все было торжественно и буднично в этот зимний утренний

час.

Лежала перед воинами Германия... в снегу... в лесу...

- Вот она! - сказал Слюсарев. - Берлога!.. - и, покрутив головой, засмеялся. - Дошли-таки!

- Нет еще! - тихо ответил Дорошенко. - Берлин. Моабитштрассе, сто семнадцать.

...Германия.

Лихая батальонная кухня вскачь несется через границу... выносится на перекресток в Шверине и останавливается. Ездовой удивленно и радостно озирается на островерхие, черепичные крыши.

- Ишь ты! Германия! - произносит он. - Это какой же ихней губернии город будет?

- Берлинской! - отвечает регулировщица.

Все засмеялись вокруг.

Вся улица запружена грузовиками, фургонами, российскими конными обозами, двуколками, автолавками Военторга... Мы вошли в Германию прочно и основательно.

- Ага! Берлинской! - удовлетворенно сказал ездовой, хлестнул мерина, и кухня вскачь понеслась по берлинской дороге...

Мимо столба, на котором надпись: "На Берлин"... мимо домов, охваченных пламенем.

- Горит Германия?..

...Горит Германия.

Пылающие дома кажутся прозрачными.

Нутро вывороченно и охвачено огнем.

Горят пузатые комоды, прусские шифоньеры, двуспальные кровати, сейфы, магазины...

Над куполом большого здания - вероятно, гостиницы - ежится в огне большой круглый земной шар. На нем орел. Он когтит землю. Но уже пылают его крылья... скрючиваются в огне когти... С шумом падает вниз, на мостовую, круглый шар и рассыпается головешками.

Из пылающего дома выбрасывается полубезумная старуха немка. Она прижимает к груди клетку с попугаем. Красноносый попугай испуганно орет: "Хайль Гитлер!"

Горит Германия...

Идут по улице Дорошенко и Автономов.

- Надо тушить пожары! - озабоченно говорит корреспондент.

- Тушить? - усмехается Дорошенко. - А Сталинград? А Воронеж? А моя хата? Нет, душу мою не потушить!..

- А пожары надо тушить!.. - твердо повторяет корреспондент.

...К Ивану Слюсареву и его товарищам подбегает пожилой немец крестьянин. Он бессвязно кричит что-то, непонятно, что.

Подбегают еще немцы, и один из них торопливо, но по-русски объясняет:

- Мы просим убить Ганса Мюллера... Мы просим убивать его, дать нам одолжение.

- Убить? - удивляется Слюсарев и вдруг, рассердившись, свирепеет: - А ты как же, фриц, мыслишь - мы сюда убийцами пришли?

Собирается толпа вокруг.

- Убейте его! - кричат по-немецки седые, растрепанные женщины и заламывают руки...

- Он бегает по улице, - объясняет немец по-русски, - и поджигает наши дома.

- Зачем? - хмурится Слюсарев.

- О, зачем? - всхлипывают женщины.

- Жечь не надо! - жестко говорит Слюсарев. - Довольно. Пожгли вы. Всю Европу пожгли. Будет! Где он?

- Вот он, вот он! - кричат на всех языках немцы.

Неподалеку мрачно стоит грязный, седой, всклокоченный немец в рваной соломенной шляпе. Смотрит исподлобья.

Увидя обращенные к нему взоры русских солдат, вытягивается, как только немцы умеют вытягиваться, мгновенно деревенея и превращаясь в автомат.

Потом он зачем-то начинает раздеваться. При этом он бормочет что-то бессвязное. Ничего нельзя разобрать.

- Он что же, сумасшедший? - догадывается Слюсарев.

- Да, да! - кричит немец. - Но он опасный сумасшедший. Он сожжет весь город, а нам отвечать за него. Убейте его, пожалуйста, битте!..

Слюсарев посмотрел на них на всех и вдруг захохотал.

- Ага! Теперь вы просите уничтожить ваших сумасшедших? А что ж вы сами-то раньше не связали да не убили вашего главного сумасшедшего Гитлера, а? А выпустили его мир жечь... А теперь... Эх, вы!.. - И он брезгливо трогает плечо маньяка. - Ну ты, пойдем, что ли!..

...Рассеивается дым...

Через главную площадь Шверина медленно и молча идет колонна.

Это - советские дети, освобожденные из лагерей смерти, из рабства, из "экспериментальных" клиник...

Истощенные, измученные, с лицами уже не детскими, бледными и бескровными - молча идут они на сборный пункт, где ждут их машины.

А на тротуарах так же молча, словно застыв, стоят бойцы и офицеры майоры, полковники, даже генералы. Стоят и

вглядываются в бледные ребячьи лица, ищут своих.

И Дорошенко стоит тут же. На его каменном лице не заметно волнения. Только глаза с тоской и надеждой ищут, ищут, ищут одного среди тысячи...

И взволнованный Автономов тревожно следит за движением его взгляда больше, чем за колонной...

А дети идут, идут...

Вдруг нечеловеческий вопль вырывается из толпы офицеров:

- Вася!..

Какой-то пожилой майор бросается к колонне, выхватывает сына и прижимает, плача и ликуя, к своей груди...

На минуту смешалась колонна...

Кто-то закричал, заплакал...

Застыв, стоит Дорошенко.

И вот снова идут и идут дети... Их много, но нет среди них одного Юрика...

...Прошла колонна...

Осунувшийся и словно еще более постаревший Дорошенко медленно идет по улице.

И рядом с ним - верный и молчаливый друг его - корреспондент Автономов. Чуть сзади - Савка Панченко, ординарец.

Догорают пожары...

Стали на привал кухни...

Надвигаются сумерки.

Дорошенко останавливается перед серым целым зданием. Передернул плечами. Словно стряхнул с себя горькое - личное. Он больше не отец, потерявший детей, он снова офицер, строгий, волевой, требовательный.

- Посмотрим, - говорит он негромко. - Пожалуй, подойдет для штаба.

И он, сильно толкнув дверь, входит.

...Они идут по лестнице.

Пуст дом. Пуст, как тот домик с зеленою крышей, там, у Днепра...

И опять Дорошенко идет впереди, а сзади него - как тень - Автономов и Савка.

Они идут по пустым комнатам, по лестницам, через залы, где мусор и запустение...

Проходят второй этаж, поднимаются на третий и входят в большую полутемную комнату.

Распятье на стене.

Поникший Иисус в терновом венце...

Дорошенко останавливается на пороге.

И навстречу ему поднимаются все, кто есть в зале.

Это - дети. Немецкие дети. Приют.

Старая монахиня в белом чепце испуганно смотрит на майора и медленно поднимает руки вверх.

И дети вслед за нею поднимают руки.

Они стоят, эти маленькие, жалкие дети, и дрожат всем телом.

Что станет делать с ними большой и страшный русский офицер?

Будет убивать их, отрывать руки, ноги, мстить?.. Он стоит в дверях, широко расставив ноги, и смотрит.

Думает ли он сейчас о Юрике, о Гале, о доме своем разоренном, о жене на виселице?..

Он молчит.

Потом, не оборачиваясь, хрипло произносит:

- Савка!

Савка молча появляется рядом.

Продолжая смотреть на детей, Дорошенко приказывает Савке:

- Этих детей... накормить... быстро... И устроить куда-нибудь... Хорошо устроить. И чтоб я их... не видел!

И, круто повернувшись, выходит из зала.

...Госпиталь.

Вася в халате сидит на койке.

- Вот вам и ноги, Вася, - говорит Галя и подает ему костыли.

Вася робко берет их. Оперся на костыли. Встал. Засмеялся.

Солнечный луч играет на полу.

- Жить буду, Галя? - весело спросил Вася.

- Будете!

- И ходить буду?

- Будете.

Вася неуверенно сделал шаг. Сморщился. Опять пошел.

- На костылях всю жизнь ходить буду, а? - вдруг обернулся он к девушке.

- Что вы! Это временно. - Она следит за его движениями с неясным вниманием матери, у которой ребенок начал ходить.

Вася уверенней зашагал по палате.

Вдруг остановился.

- А воевать буду? - тихо спросил он.

- Будете! - улыбнулась Галя.

- Буду? - обрадовался Вася и закричал: - Живем, Галя! - И поднял костыль, как шашку.

...В соседней одиночной палате лежит Ирина, девушка из Жолибужа.

Ее интервьюирует Мак Орлан, знакомый уже нам американский корреспондент.

- Колоссально! - восклицает он. - Все, что вы нам рассказали, - первый сорт. Люкс! Я напишу о вас статью "Девушка из Жолибужа". А? Хорошо? Кричит?

- Не очень... - улыбается Ирина.

- Да. Вы правы. Тогда так: "Девушка, которая убила сорок мужчин". А?

- Врагов...

- "Девушка, которая убила сорок гитлеровцев"? Мм... это уже хуже. Не кричит. - Он усмехается. - Я скажу вам в двух словах тайну прессы. Все дело не в статье, а в заголовке. Но заголовок должен кричать.

- Я дам вам заголовок, - говорит, усмехнувшись, Ирина. - Вот. "Правда о варшавском восстании". Это здорово кричит.

- Вы думаете? - Он с сомнением покачал головою. - Правда? Восстание? Мм... это слово в чисто славянском вкусе. Мистика. Американский читатель любит точные понятия.

- Я знаю, - улыбается Ирина. - Цифры, деньги, кровь. Вам нужен заголовок в таком вкусе: "Восстание, которое было куплено за столько-то фунтов стерлингов и продано за столько-то". А? Это кричит?

- О-о! - смеется Мак Орлан. - Вы могли бы быть репортером. У вас есть чутье и чувство юмора. Я очень рад знакомству с вами. - Он чуть приподымается с места и кланяется.

- Спасибо. Я тоже рада вам.

- А теперь вернемся к делу. Я имею еще последний вопрос, но очень важный. Я хочу знать, что думают теперь... когда все кончилось... что думают поляки о Бур-Комаровском, об англичанах, о русских?..

- Вы хотите знать правду?

- О да!

Ирина оглядывается вокруг.

Мак Орлан тоже.

- Вы можете говорить вполне спокойно, - тихо произносит он. - Мы одни... и говорим по-английски... я гарантирую тайну...

- Хорошо. - Ирина приподнимается с подушки и наклоняется к американцу. Он подвинулся ближе. Насторожил вечное перо. - Честные поляки... - медленно произносит Ирина. - Вас ведь интересует мнение честных поляков?

- О, конечно!

- Честные поляки, - медленно произнесла Ирина, - считают Бур-Комаровского предателем, убийцей Варшавы, русских, - она наклоняется еще ближе, - русских - освободителями Польши. (Пауза.)

- It is all?.. - тихо спрашивает Мак Орлан.

- Да, это все.

И Ирина откидывается на подушки. (Пауза.)

- Д-да... - жестко усмехается Мак Орлан. - Не кричит. - И он кладет вечное перо в карман.

- Вы думаете, я сказала неправду?

- Нет, вероятно правду. Но мой шеф не даст мне и полпенса за такое интервью.

- Очень сочувствую вам. Вы не заработали.

- Ничего. Бывает. - Он вдруг засмеялся. - Пресса - это тоже биржа. Повышение - понижение. Год назад ваше заявление пригодилось бы. Но сейчас... Сейчас русские не котируются у моего шефа.

Стук в дверь.

- Пожалуйста! - ответила Ирина.

Дверь отворилась, и в ней появился Вася на костылях. Он очень смущен.

- Я извиняюсь, - пробормотал Вася. - Мне сказали: тут девушка из Жолибужа. Может, я ошибся... и незнакомая... так я уйду. - Он смотрит на Ирину.

Она улыбается.

- Нет, вы не ошиблись. Здравствуйте, Вася Селиванов!

- Вы помните мое имя? - удивился Вася.

- Помню. Ну, а как Федор Петрович, Слюсарев, Панченко - живы?

- Все живы. Но как же, как же вы-то... запомнили?

- Как не запомнить! - тихо смеется Ирина. - Вы были первыми советскими воинами, которых я видела. Ну, проходите же, Вася. Я вам рада. Садитесь. Знакомьтесь. Это мистер Мак Орлан, американский журналист.

- How do you do? - говорит Мак Орлан, протягивая руку.

- А мы знакомы! - улыбнулся Вася.

- Да? Не помню! - удивился американец.

- Вы приезжали к нам под Кривой Рог...

- А-а! - захохотал Мак Орлан. - Кривой Рог! Кривой Рог! Свиная тушенка! Свиная тушенка нехорошо, да?

- Я запомнил вас. Вы были единственный американец, которого я встречал на войне.

- Черт вас возьми, - закричал Мак Орлан. - Это было всего год назад. Вы были в Кривом Роге, а сейчас вы в Германии. Вы, русские, очень быстро ходите. Даже страшно.

- Нам медленно ходить нельзя. Мы свой шаг кровью оплачиваем, - сказал Вася, присаживаясь у кровати. - А помните, как мой товарищ, Дорошенко, говорил вам тогда: "Сегодня нам еще нужен второй фронт, а завтра..."

- Но второй фронт сейчас есть! - вскричал Мак Орлан.

- А зачем он нам теперь? - пожал плечами Вася. - Мы и сами управились.

- Но вы ранены, Вася? - сказала Ирина.

- Пустяки! Вот вы, говорят, давно лежите. Плохо было?

- Не знаю... Но я не могла умереть, не побывав в России.

- Вот, вот! - понимающе отозвался Вася. - А я не мог умереть, не побывав в Берлине.

И они оба расхохотались.

- А-а! - насмешливо воскликнул Мак Орлан. - Теперь вы поедете в Россию, мисс Ирен?

- Нет! - жестко ответила она. - В Берлин. - И улыбнулась. - Для меня путь в Россию лежит через Берлин.

Вася засмеялся.

- Домой через Берлин, - у нас так все солдаты говорят.

- Или... к праотцам? - пожал плечами Мак Орлан. - На войне как на войне.

Вася иронически посмотрел на него и усмехнулся.

- А мы уж четыре года знаем, что на войне убивают. И знаете - не боимся...

...Прямо на зрителя мчится "виллис".

В нем капитан Вася Селиванов, Галя и Ирина. Ирина в польской военной форме.

Дороги Германии. Клены вдоль шоссе.

Грязь. Ранняя весна.

Подымается с сиденья Вася, протягивает вперед руку, кричит:

- Одер, друзья!

Машина останавливается у Одера.

Лед идет по реке...

- Лед тронулся, - говорит Галя.

- Разве ж это лед? Разве это ледоход? - презрительно отзывается Вася. Лапша! Вот у нас ледоходы на Волге!..

- Расскажите о Волге, Вася! - тихо попросила Ирина.

Вася оглянулся на нее.

- Волга? - засмеялся он. - Разве про нее расскажешь. - Про нее петь надо! - Он посмотрел вокруг и даже сплюнул. - Нет, не нравится мне европейская природа, право. Чахотка! И лес - не лес, и степь - не степь, и река - не река.

- У нас красивей... - застенчиво сказала Галя.

- У нас! - даже задохнулся от восторга Вася. - У нас выйдешь в степь боже ты мой! И петь хочется, и плакать, и жить, и любить... А тут...

- А тут? - засмеялась Ирина.

- Тут?.. Тут только выпить хочется от скуки.

- Нам торопиться надо, Вася! - напомнила Галя.

- Да, да. Поехали.

Они садятся в машину. Вася за рулем, рядом Галя. Они едут вдоль Одера... Тепло. Весна...

Вася чуть слышно мурлычет песенку. Галино плечо совсем близко к его плечу. Им хорошо сейчас обоим.

Ирина смотрит на них с нежной грустью.

- Скажите, - вдруг говорит она. - А как любят в России?

Вася удивленно обернулся к ней и вдруг покраснел.

Смутилась Галя.

Отодвинулась от Васи.

- Нет, не надо рассказывать! - улыбнулась Ирина. - Я вижу.

...Плацдарм на Одере.

Блиндаж командира полка.

Дорошенко обнимает Васю.

- Ты жив, чертушка, жив, жив! - радостно повторяет он и трясет капитана за плечи.

- Жив, подполковник. Разве меня шальною пулею смахнешь с земли? А у нас все живы?

- Все не все, а живем... Воюем!.. Нет, до чего ж я рад тебя видеть, капитан. Вот и не думал, что так обрадуюсь...

- Дай и мне тебя обнять, Вася, - говорит, выступая из темноты, Автономов. - А я чуть было о тебе некролог не написал.

Они обнимаются.

- Жаль не написал, я бы прочел, что ты обо мне в самом деле думаешь, смеется Вася.

- А я всегда что думаю, то и пишу. Даже о живых.

- Ох, страшный ты человек, Федор Петрович! Который уж вещевой мешок пошел с рукописями-то, а? И все ведь о нас с Дорошенко... Даже страшно! - И Вася обернулся к своим спутницам. - Это - Ирина, - представил он девушку из Жолибужа. - Пан поручик Ирина.

Ирина сдержанно козыряет Дорошенко.

- Здравствуйте, Ирина. Я не узнал вас, - обрадовался Автономов.

- Постарела? - усмехнулась она. - Здравствуйте.

- Вы в польской армии?

- Да... Мы соседи.

- Польский корпус правее нас, - сказал Дорошенко. - Рядом драться будем.

- Да, рядом... - вздохнула Ирина. - Ну, ничего! После Берлина я надеюсь быть не только соседкой...

- А это Галя... - сказал Селиванов.

Галя выступила из темноты.

- Это Галя! - значительно повторил Вася.

Галя внимательно посмотрела на Дорошенко.

- Очень рад вам, Галя! - сказал подполковник и протянул ей руку.

- И я тоже... - пробормотала она.

Непонятное молчание вдруг наступило в блиндаже.

- Ну что ж! - сказал Вася решительно. - Мы солдаты. Лучше сразу! - И посмотрел прямо в глаза Дорошенко.

Автономов тревожно заворочался.

- Я слушаю... - тихо ответил побледневший подполковник.

- Галя была... подругою вашей Гали, Игнат Андреич!

- Была? - тихо переспросил Дорошенко. (Пауза).

- Д-да... Была... - ответил Вася и опустил голову. (Долгая пауза.)

- Так, - сказал, наконец, Дорошенко. - Ничего... Мы солдаты. Говори, Галя.

...Уже совсем темно в блиндаже. Чуть мерцает огонек "летучей мыши".

Галя заканчивает рассказ.

- Непокорная была ваша Галя. Ох, какая смелая и хорошая! И они... замучили ее. Замучили... Нам даже похоронить не дали. Увезли ночью.

Молча слушает Дорошенко.

Потом так же молча встает и уходит.

...Он стоит у блиндажа под дубом.

Смотрит на запад.

Там, за Одером, - туман, ночь, враги...

Оставшиеся в блиндаже сидят молча.

- А он так надеялся! - произнес Селиванов. - С тем и шел в Германию, чтоб Галю найти.

- Не за тем шел! - отвечает Автономов. - Нет, не за тем! - Он вдруг встал, взволнованно прошел из угла в угол, остановился. - Эх, нет у меня слов, нет у меня слов таких, чтоб рассказать нашим людям... о них же... О том, какие они. Какие они красивые и благородные люди!

...Стоит Дорошенко под дубом, смотрит за Одер.

Тихо плещется река.

Ночь. Неслышно подошла Ирина.

Стала рядом.

Тоже смотрит за Одер.

...И сразу - загрохотали пушки.

Ночь.

Ракеты.

Наступление.

В блиндаже у телефона подтянутый, строгий Дорошенко.

- Да, - говорит он в трубку. - Готов. Есть. Спасибо. Да. - Вдруг он поежился, втянул плечи, голос стал глуше. - Да, так точно. Да. Получил печальную весть. Да. Дочь... Да. Галей звали. Да... семнадцать... (Пауза.) Спасибо за сочувствие, товарищ генерал. Нет, ничего... Спасибо... У меня сердце каменное, товарищ генерал... насколько может быть каменным сердце человека... (Пауза.) Спасибо. Есть. Слушаю.

Он кладет трубку аппарата. Смотрит перед собой.

Гремят за кадром пушки.

Дорошенко беззвучно шепчет:

- Иду к тебе, Галя. Иду к твоей безымянной могилке, дочка!..

Он еще секунду стоит молча.

Потом, словно стряхнув с себя все не идущее к бою, резко и с силой бросает телефонисту:

- Звони в батальоны. Вперед!

...Вперед!

Рванулись через Одер полки, батальоны, роты...

Развалины Кюстрина.

Деревянный мост через Одер.

Дамба, развороченная снарядами.

Песок, грязь, кровь, убитые лошади, тракторные колеи, лесные пожары, гарь, дороги, забитые машинами, горящие танки, войска...

И на фоне всего этого - солдат Иван Слюсарев, с лицом счастливым и усталым, - пот на лбу, кровь на подбородке, грязь дорог, соль походов, запах пороха на гимнастерке.

Победитель и освободитель, он идет с винтовкою за плечами, - и навстречу ему, из всех щелей взятого города, выходят люди, бегут по улицам, растекаются по дорогам.

Великое множество людей.

Разноязычное, разноплеменное, исстрадавшееся и освобожденное человечество.

Вавилон в городке Альт-Ландсберг за Одером.

Проходят французы, поляки, югославы. Американские и английские солдаты. Болгарин из концлагеря. Девчата с Волыни. Голландцы. Итальянцы. Чехи.

Сбит красноармейским прикладом замок с дверей европейской тюрьмы Германии. Распахнуты двери тюрем.

Вчерашние узники, невольники, пленники, рабы идут по всем дорогам - на Восток!

- Освобожденные! - говорит Слюсарев молоденькому солдатику Пете, шагающему рядом с ним. - А кем, кем освобожденные? Нами с тобой, товарищ. Ты чувствуй.

- Я чувствую... - торопливо отвечает Петя, а глаза его жадно разбегаются по толпе. - Ой, дядя Иван! Французы!

- Ну что же! - отвечает спокойно Слюсарев. - И французы... Французов немец тоже... того...

- А это кто же?

Проходит странное семейство: отец в котелке, жена в старомодном пышном и рваном платье, юноша с густыми бакенбардами и почему-то в цилиндре... дети... На рукавах у всех повязки с надписью химическим карандашом.

- Голлано, - читает Петя. - Голландцы, дядя Иван, а?

- А что ж! Может быть, и голландцы. Голландцев немец тоже... того...

- Ой, а это индийцы! Ей-богу, индийцы, дядя Иван!

Индус из Бомбея и индус из Калькутты, оба в английской военной форме и с чалмами, проходят мимо.

- Ишь ты, индийцы... - улыбается Слюсарев. - Вот, Петя, чувствуй, освободили мы индийцев. Потом дома, в деревне, расскажешь.

- Теперь бы еще негра, дядя Иван, а? Для полного комплекта! - мечтает Петя и вдруг кричит: - Дядя Иван! Негр! - И он даже замер в восторге.

Приветственно взмахивая черным кулаком и улыбаясь, проходит мулат из сенегальской пехоты.

Петя провожает его восторженным взглядом.

- А про это... - тихо говорит он, - в деревне и не поверят!..

Оно проходит, это освобожденное Слюсаревыми человечество, шумно радуясь свободе и жизни.

Они идут пешком...

Катят на велосипедах...

Собираются в большие и многонациональные обозы...

Едут в крытых фургонах...

В извозчичьих фаэтонах с фонарями...

В старинных свадебных каретах...

Два хохочущих француза едут... на катафалке и пьяно поют марсельезу.

Черный катафалк проплывает через толпу...

Все, на чем можно ехать, двигаться, везти свой небогатый скарб, - все использовано.

Идет женщина с детской коляской, но в коляске не ребенок, а чемоданчик.

Пьяные американские солдаты волокут бечевою... гроб.

В гробу (из разбитого немецкого бюро похоронных процессий)... огромное множество бутылок.

...Шумно проходят освобожденные люди.

На перекрестке, прислонившись спиной к столбу, стоит корреспондент Автономов и жадно записывает в блокнот все, что видит.

По привычке он бормочет про себя:

- На дорогах Германии сейчас невозможно встретить человека без национального знака. Освобожденные люди гордо утверждают свою национальность. Они не хотят, чтобы их принимали за фашистов.

А мимо него проходит и проносится толпа...

Национальные флаги полощутся над обозами. Флаги над домами.

Флаги на фургонах.

Флажки на велосипедах... в дугах и даже в гривах лошадей...

Американский солдат нашил на шинель, на спину большое звездное американское знамя.

Французы идут колонной, несут впереди свой трехцветный флаг.

Чудом уцелевшие евреи - их единицы - носят знаки, которыми их клеймили немцы (желтая повязка с шестиугольной звездой) - клеймо мученичества...

"Горькая ирония судьбы, - записывает Автономов. - Теперь немцы завидуют евреям".

Только одна национальность в побежденной Германии не подымает своих национальных флагов - сами немцы.

Они высовывают из своих окон белые тряпки, полотенца, простыни - знак капитуляции.

Они носят белые повязки - знак смирения, мольба о пощаде.

Им никто этого не предписывал, - они сделали это сами.

"Отныне вот он, фашистский флаг - капитуляция", - записывает Автономов.

А мимо Автономова все проходят и проходят люди.

Пожилые датчане с портфелями и рюкзаками...

Английские солдаты навеселе. Хриплыми голосами поют они "Типеррери".

Американцы из парашютных войск.

Француз-математик в роговых очках и ботинках, подвязанных бечевкой...

К Автономову подходит Иван Слюсарев.

- Здравия желаю, товарищ корреспондент! - рапортует он. - Записываете?

- Записывать не успеваю! - усмехается Автономов. - Интересно, а? - Он показывает блокнотом на толпу.

- Ничего, - сдержанно отвечает Слюсарев и откашливается в кулак. Извиняюсь, спросить хотел, а вы иностранные языки

знаете?

- Нет. Не знаю.

- Да. Жаль.

- А что? Поговорить хочется?

- Как же!

Слюсарев долго смотрит на толпу, проплывающую мимо.

- Вавилон. Чисто Вавилон! - говорит он. - Смешение языков! Вздохнул. - А поговорить с ними надо!

Проходит мимо группа американских солдат. Увидев русских военных, они приветственно машут пилотками.

Подходят.

И один из них, молодой, краснощекий, словно он не из плена, а с курорта, говорит на ломаном русском языке, улыбаясь при этом во весь рот:

- Дравствуй! Русский. Ура. Спасибо.

- Здравствуй, здравствуй! - обрадовался Слюсарев. - Понимаешь по-русски-то?

- Мало-мало. Не хорошо. Мой батька был украина... Полтава. А? Хорошо?

- Очень хорошо! А вы что же, тоже полтавские?

- Но, но... Я не Полтава! I was born in Лос-Анджелес. Я пришел на свет в Лос-Анджелес... Калифорния. I have a mather... маму... Я имею девойку там. Я иду жениться.

- А! Невесту, значит, имеешь? Хорошо!

- Хорошо? - смеется американец.

- Хорошо. Вери гуд, - отвечает убежденно Слюсарев. - Небось соскучилась по тебе твой девойка. А? Хорошая у тебя невеста-то?

- О да. She have. Она имеет... как это? A shop... Она торгует мало-мало... делает деньги...

- Ишь ты, капиталистка, значит. Как же зовут твою девойку?

- Энибелл.

- А тебя как же?

- Микаэл Когут.

- Как, как? Михаил Когут? - удивился Автономов.

- О, yes! Михаил Когут.

- Американец Михаил Когут! - захохотал корреспондент.

И американские солдаты, ничего не поняв, захохотали тоже.

- Это - корреспондент, - представил Слюсарев Автономова. - Русский военный корреспондент. Он всю войну с нами.

- О, корреспондент! Хэлло, мистер!..

Американцы наперебой протягивают ему руки.

- Куда ж вы идете сейчас? - спрашивает Автономов Когута.

- Ту Эмерика! Домой. Лос-Анджелес.

- Что, вы идете на восток? Вам туда? - корреспондент

показывает рукой на запад. - Туда надо. Берлин. Париж. Атлантический океан. Америка.

- Но, но! - машет головою Когут. - Нет. Туда нет. Нельзя. Мы идем: Брест, Москва, Влядивосток, Эмерика...

- Ишь ты! - усмехнулся Слюсарев. - Соображают! Эй, камрад, значит, выходит, путь на родину лежит-то через Москву?

- О, yes! Москва. Россия. Свобода. Эмерика. Спасибо.

- Спасибо? Ишь ты, спасибо!.. - даже законфузился Слюсарев. - Нет, ты мне лучше вот что скажи, камрад. Прочувствовал ли ты, американец, кто тебя из неволи-то спас, кто Гитлера разбил, кто мир освободил, а? Расчувствовал ли ты?

Михаил Когут мучительно морщится. Быстрая речь Слюсарева не доходит до него.

- Ты медленнее, дядя Иван! - улыбаясь, советует Автономов.

- А? Ну хорошо. Ты мне вот что скажи, камрад Михаил Когут. - Теперь он сопровождает свою речь выразительными жестами. - Кто Гитлера разгромил?

- А! - просиял Когут. - Русские.

- А кто мир освободил?.. Человечество?

- Русские.

- А кто тебя и твоих товарищей из неволи выручил?

- О, русские. Спасибо.

- Так забудешь ли ты этот факт, Михаил Когут, а? Как полагаешь, забудешь?

- О нет, нет! - закричал Когут.

- А потом, гляди, через пять - десять лет на нас войной пойдешь, а? Нет, ты мне по чести, по-солдатски скажи, пойдешь ли на нас войною?

Михаил Когут быстро поворачивается к своим товарищам и что-то взволнованно говорит им.

Американцы заволновались.

Страстно, наперебой они кричат Слюсареву, что никогда и никто не заставит их воевать против их освободителей - русских.

Они кричат это по-английски, но Слюсарев все понимает.

- Ну то-то! - говорит он. - И мы войны не любим. - Он протягивает Когуту руку. - Ну, иди! Иди, Михаил Когут, с миром. Иди через Брест, Москву-матушку, Сибирь, Владивосток. Там, в Сибири, между прочим, моим поклонись, иркутянам... А мы тут, значит, останемся. За тебя довоюем. В Берлин придем. Гуд бай, Михаил Когут!

- Гуд бай! - кричат американцы.

...Медленно пробираясь среди колонны войск, ползет фронтовой "виллис".

За рулем Савка Панченко, он мурлычет свою бесконечную

песенку. Рядом сидя спит Дорошенко. Сзади - автоматчик.

Затормозил "виллис" у какого-то дома.

Савка осторожно потряс Дорошенко за плечи.

Тот что-то сонно промычал в ответ.

- Замаялся! - сказал Савка. - Та и то правда, что спать ему не приходится.

- Война... - зевая, сказал автоматчик.

- Ой, война!

Савка с сожалением посмотрел на подполковника.

- А будить треба! Сегодня хоть в хате отоспится. Сутки нашему полку на отдых дали.

...Стоит "виллис" у ворот большого и странного дома.

Над домом развевается много флагов. Словно все нации собрались здесь. Словно живут здесь люди со всего мира. Словно это - корабль интернациональной экспедиции или Ноев ковчег.

Перед домом, задрав головы, стоят Савка Панченко и Иван Слюсарев и смотрят на флаги.

- Это французский флаг, - говорит Савка. - А этот... это я знаю. Это югославский.

- А это ж какой будет, вон над трубой?

- Черт его знает! Может, бельгийский.

- Что ж они так разукрасились, а? - Слюсарев подозрительно смотрит на дом и качает головой. - Эй, Савка! Этот дом обследовать надо. Может, тут вся дипломатия живет. Поджигатели войны. - И, вскинув за плечо винтовку, решительно говорит: - А ну идем!

Они входят во двор.

Здесь стоят какие-то странные крытые фургоны.

Они разноцветные, яркие; их полированные бока почти сплошь заклеены рекламами и афишами.

Они стоят один за другим, как поезд.

Людей вокруг них нет.

Савка и Слюсарев медленно идут по двору.

Вдруг доносится до них странный рев.

Они прислушиваются.

Это... да это рычит лев.

Лев в Ландсберге?

Но лев рычит, в этом не приходится сомневаться.

К его реву вдруг присоединяется завывание гиен, крики обезьян, какое-то кудахтанье...

Савка бледнеет.

Слюсарев смеется.

- А ну взойдем! - говорит он и решительно направляется к большому сараю, откуда и доносится рев.

Савка идет за ним.

Они входят в длинное каменное здание, похожее на конюшню.

Их обдает запахом зверья.

Тоскливо подняв хобот, стоит слон.

Мечется в клетке лев.

Визжат гиены.

Лежат пони. Голодные глаза их полны слез.

Вцепились в прутья клеток обезьяны.

Людей вокруг нет.

Слон вдруг поднял хобот совсем высоко и протяжно затрубил.

- Да они же голодные! - догадался Слюсарев. Скинул мешок, порылся в нем, вытащил буханку хлеба.

И тогда из полусумрака конюшни выступил человек. Он в грязной униформе, тощий, беспокойный, с обвислыми, унылыми усами. Жадными глазами смотрит он на хлеб, но молчит.

Посмотрел на него и Слюсарев.

Ничего не сказал.

Разломил буханку надвое.

Протянул человеку хлеб.

Вторую половину отдал слону.

И человек и слон жадно схватили хлеб.

Едят.

Слюсарев смотрит.

А человек с обвислыми усами, откусив хлеб, говорит:

- Спасибо.

- А! Понимаешь по-русски?

- Не.

- Ты кто?

- Чех.

- А это цирк?

- Так есть.

А Савка все разглядывает зверей.

- Гляди, Иван! - говорит Савка, показывая на гиену. - Ну до чего ж похожа на Геббельса... чисто Геббельс!

- А ты Геббельса видел? - усмехается Слюсарев.

- А вот поймаем в Берлине, в клетку посадим, поглядим...

Гиена воет пронзительно и злобно.

Слюсарев продолжает разговор с чехом:

- А люди тут есть?

- Есть.

- Какие же люди?

- Артистки. Французы, немцы, швейцарцы, бельгийцы, югославы, чехи, болгары, поляки...

- Полный интернационал, словом? Ну-ну! Ну веди, покажи!

Чех ведет их из конюшни через двор.

Мимо фургонов в дом.

Они подымаются по грязной парадной лестнице.

В бельэтаже на дверях надпись по-русски:

"ЗДЕСЬ ЖИВУТ АРТИСТКИ ШВЕЙЦАРЫ - НЕЙТРАЛЫ".

Слова "швейцары - нейтралы" трижды подчеркнуты.

Чех хочет постучать в дверь, но Слюсарев его останавливает.

- Что ж людей беспокоить? Да еще нейтральных! - усмехается он, показывая на надпись.

Они идут по лестнице дальше.

- Тут французы. Тут бельгийцы. Тут голландские артисты, - показывает чех на двери квартир.

- А братья-славяне где? - спрашивает Савка.

Чех усмехается.

Он остановился. Потом молча показал пальцем вниз и вверх.

- Где? - не понял Слюсарев.

- А-а! - догадался Савка. - В подвале и на чердаке.

- Ишь ты! - усмехнулся Слюсарев. - Значит, выходит, и в цирках Гитлер ввел "новый порядок". Высшая раса и низшая раса. Эх вы, Европа! Допустили! Ну покажи!..

Они подымаются на чердак.

Здесь актерское общежитие.

Нары в три этажа. Грязь. Керосиновая лампа. Примус. Огрызки еды на столе.

Навстречу подымаются с нар, выходят из углов артисты разных жанров. Дрессировщики и атлеты, клоуны и акробаты, жонглеры и канатоходцы, певицы и цирковые танцовщицы. Они одеты пестро, причудливо, своеобразно; и их национальность, и жанр, и возраст, и вкус - все отразилось в костюме.

Они восторженно встречают советских воинов.

Кричат.

Аплодируют.

Музыканты ударили в барабан.

Они искренни, все эти оскорбленные и униженные Гитлером люди, освобожденные сейчас Красной Армией.

Они впервые видят советских воинов.

Кончились страшные дни бомбежек, голодовки, немецкого произвола.

Они кричат об этом радостно и восторженно.

Ничего нельзя разобрать. Только отдельные слова: "Красная Армия", "Спасибо", "Ура", "Славяне"...

Оглушенные и смущенные стоят Савка и Слюсарев.

На шум вдруг приходят французы.

Они все с красными галстуками. Выстраиваются в дверях, подымают кулаки, кричат: "Рот Фронт! Виват!" - и бросаются к русским.

Мадмуазель Жоржетта, хорошенькая танцовщица, целует Слюсарева.

Французы ставят на стол три бутылки бордо.

Наливают вино в стаканы.

Один из них, пламенный брюнет, произносит речь.

Ее не понимают присутствующие, но слова "Россия", "Совета" понятны всем - и "Виват! Ура! Хвала! Слава!" покрывают слова оратора.

Слюсарев смущенно говорит Савке:

- Ой, зазнаемся мы с тобой, парень! Лопнем от гордости. Гляди, как встречают!

Вдруг смолкают крики. И Слюсарев понимает, что теперь он должен сказать спич.

Он нерешительно берет стакан с вином.

- Товарищи артисты! - говорит он негромко. - Спасибо вам, конечно, за доброе слово. Мы с товарищем моим от лица всех советских воинов благодарны. Хоть вы, конечно, преувеличили нашу роль. Но мы делали что могли. Как нам велел советский народ.

Снова овация, снова крики и аплодисменты.

- Так! - продолжает Слюсарев. - Гнали мы Гитлера от самого Дона и догнали его до Шпрее. С тем и в Европу пришли. Ну что ж! Мы свой долг исполняем. Потом уйдем. Горькая у вас Европа, как я погляжу. Ну, это ваше дело. Я в это встревать не буду. Помещения тут чистые, хорошие, а культуры мало. Не видал я книг по квартирам. Не любят тут, видать, книгу. А мы любим. У меня у самого хоть небольшая, а есть библиотечка... по книжонке собирал. Но это я к слову, потому что мы, советские люди, любим культуру и искусство, хотя бы и цирк. И я с товарищем моим рады, что штыками нашими дали мы свободу и вам, товарищи артисты всей Европы. А там - ваше дело. Извините, если не так сказал. - Он поднял свой стакан и зычно, по-солдатски, закончил: - Да здравствует человечество!

...Слюсарев и Савка выходят со двора.

Чех с обвислыми усами провожает их до машины. У него в руках все еще краюха слюсаревского хлеба.

Они останавливаются у "виллиса".

К ним вдруг подходит какой-то толстяк в клетчатом пиджаке и котелке.

Он приподымает котелок, церемонно раскланивается, потом достает из бокового кармана бумажник, а оттуда паспорт и

какую-то бумагу. Все это он протягивает Слюсареву.

Чех равнодушно смотрит, жует свои усы.

Слюсарев недоуменно берет бумаги.

Читает про себя... и вдруг хохочет.

Савка смотрит на него удивленно, человек в котелке - испуганно.

Чех уныло жует усы.

- Это когда же вам выдали, господин? - спрашивает, наконец, Слюсарев, показывая бумагу.

Человек в котелке что-то быстро говорит по-немецки.

Чех переводит:

- Он говорит: эта бумага выдана год назад.

- Ну и предусмотрительный же народ! Ну и далекого ж прицела люди! покрутил головою Слюсарев. - Одно слово - нейтралы! - И он объясняет Савке, протягивая бумагу: - Год назад выдано... на русском языке... швейцарским консулом... с просьбой к русским властям оказывать этому господину содействие. Ну и ловкие ж люди!

- Гитлер - капут! - вдруг гордо произносит швейцарец и подымает над головой руку, сжатую в кулак.

- Капут? Ишь храбро как говорит! - усмехнулся Слюсарев. - А небось позавчера кричал "Хайль Гитлер"? Ох вы, нейтралы!.. Кто он такой? спрашивает он у чеха.

- Артист. Имеет танцевальный номер.

- Танцор? Этот? - Савка с удивлением рассматривает толстяка.

- Нет, он не танцует. Он имеет номер. Труппу.

- А-а?.. Подрядчик, значит...

- Чего же он хочет от нас? - спрашивает Слюсарев.

Чех обращается к швейцарцу, тот отвечает. Чех переводит:

- Он хочет знать: это ваша машина?

- Это вот его машина, - показывает Слюсарев на Савку.

- Моя. Ну тай що? - подтверждает Савка.

Толстяк подходит ближе к машине, хлопает ее ладонью по кузову.

- Он хочет купить эту машину, - невозмутимо переводит чех.

- Купить?.. - расхохотался Савка.

Чех пожимает плечами.

- А на что ему? - спрашивает Слюсарев.

- Ему надо. Он хочет уехать отсюда.

- Ото так! - смеется Савка. - Ото купец!

- Ну что ж, поторгуйся с ним! - усмехнулся Слюсарев.

- А гроши у него есть? - спрашивает Савка.

- Он говорит, что есть. Любая валюта.

- Так. А сколько ж он даст за машину?

Чех переводит. Толстяк оживляется. Котелок съехал на затылок. Размахивая руками, швейцарец что-то говорит.

- Он спрашивает вашу цену! - невозмутимо отвечает чех.

- Говори цену, Савка! - усмехается Слюсарев.

- Та он що, сказывся? Он это всерьез?

Чех переводит швейцарцу, потом, жуя усы, отвечает:

- Конечно. Он говорит: он деловой человек.

- Так это ж казенная машина... военная... Як же я могу продать?

- Он говорит, что понимает это, - бесстрастно переводит чех. - Он говорит: он даст поэтому больше.

Савка вдруг свирепеет.

- Постой, постой!

Толстяк подходит к Савке, что-то быстро говорит ему горячим шепотом, потом вдруг вытаскивает толстый бумажник, а оттуда целую пачку разноцветных денег. Он сует их Савке, шепча:

- Доллары... франки. А? Кроны, марки... Найн, найн, не дойче марка... Дойчемарк, тьфу, - он плюет. - Марка - капут! Но стерлинги, доллары, лиры, а? Руссишен гелд? - он хочет соблазнить Савку. Он шелестит новенькими бумажонками, сует их ему...

Савка сердито отталкивает его.

- От черт! Да ты ему объясни, - говорит он чеху. - Не имею я права казенную машину продавать. Не моя она - государственная.

Чех невозмутимо переводит.

Толстяк смеется, хлопает себя по ляжкам.

- Он говорит: все можно купить и продать, - переводит чех. - А почему нет? Все торгуют. Немецкие солдаты даже пулеметы продавали.

- Все можно продать! - говорит по-немецки швейцарец и сует Савке деньги.

- Все можно продать? - рассвирепел Савка. - Да не всех можно купить! Это вы тут всю Европу продали Гитлеру. А русского человека, скажи ты ему, русского человека купить нельзя. Убери свои деньги, черт! Плевать я на них хотел! Я сам миллионер!.. Отойди от машины. Садись, дядя Иван! Будь они прокляты, чертовы торгаши!

Он садится в машину. Слюсарев, посмеиваясь, за ним. "Виллис" трогается.

Толстяк-швейцарец закричал что-то и побежал за машиной. Потом отстал.

А чех рассмеялся в усы, отломил кусок хлеба...

Жует и машет шляпой вслед русским солдатам.

...Бежит по улицам Германии "виллис"...

Мчатся машины...

Ракеты... Снаряды, "катюши"...

Опять наступление...

Опять канонада...

Прямо на зрителя ползут по траве пехотинцы.

Выползают на освещенное луной шоссе.

Чуть приподымается передний. Протягивает руку.

И шепотом - взволнованным и страстным - говорит:

- Берлин, ребята!

- Берлин! - взволнованно говорит Вася Селиванов. - Неужто вон там, за лесом, за шоссе, взаправду Берлин?

Он и Автономов стоят на лесной полянке у КП полка.

- Неужто взаправду Берлин? - повторяет Вася. - Даже не верится! Нет, ты подумай только, Федор Петрович. Вернется сейчас из штабарма Дорошенко... привезет приказ... Потом - сигнал. Удар. Еще удар! Штурм!.. И мы в Берлине. А? В Берлине! - Он захохотал.

- Русские в Берлине... - задумчиво произнес корреспондент.

- И этот Берлин уже не кружок на карте, не стратегическая цель, не лозунг, а... а взаправдашний Берлин, тот самый... который...

- Который... которому... и о котором... - засмеялся Автономов.

- Да! - с вызовом подхватил Вася. - Да. О котором. О котором городе мы думали еще на Дону. Помнишь? Зимой? В снегах? На походе? А ведь мы тогда уже знали, что придем сюда, придем!

- Мы это знали даже раньше! - усмехнулся корреспондент. - Когда отступали на восток, мы и тогда знали, что идем на Берлин.

- Да. И пришли. Пришли! Раньше американцев, англичан, французов. Одни пришли! - Он потянулся, разминая кости. - Пришли... Ну теперь и я скажу: нелегкий это был путь, брат. От Дона-то до Берлина! Вот никогда я так не говорил, а сейчас скажу. Нелегкий!

- Устал?

- Нет. Этого еще нет! - Он засмеялся. - Я тебе после победы скажу, устал я или нет. А сейчас... сейчас во мне одно нетерпение. Скорей бы! Скорей!

- Руки чешутся?

- Нет. Душа горит.

На поляну медленно выезжает "виллис".

- Дорошенко! - закричал Вася и бросился к машине.

Дорошенко вылезает из автомобиля.

Молча здоровается.

И идет к КП.

- Ну? - нетерпеливо спрашивает Вася.

Дорошенко не отвечает.

Он садится на пенек у КП и снимает фуражку.

Вытирает пот со лба.

- Зачем вызывали? Продолжаем наступление?

- Продолжаем... - кратко отвечает Дорошенко.

- Идем в Берлин?

- Вероятно...

- То есть как вероятно? - удивился Автономов. - А еще куда?

Дорошенко пожал плечами.

- Нет, ты мне одно скажи, - взорвался Вася, - нам рейхстаг штурмовать? Нам водружать знамя? (Пауза.)

- Нет, - ответил Дорошенко. - Не нам.

- Как не нам? - взревел Вася.

Дорошенко не ответил. Достал папиросу из портсигара. Закурил.

Его лицо сейчас бледное, злое.

- Я с наштармом говорил, - сказал он, наконец, негромко. - И карту смотрел... Я так понял: в штурме Берлина нашей армии выпала подсобная роль. Мы будем обходить Берлин с севера.

- А город? - крикнул Вася.

- А в город мы, вероятно, не войдем... (Пауза.)

- Та-ак! - зло сказал Вася, перекусывая стебелек травы. - Отличное известие! А кто ж в город войдет?

- Эта честь поручена отборным... Знаменитым армиям.

- А мы что ж, не знаменитые? - возмутился Вася.

- Мы? Мы - обыкновенные. Даже не гвардейцы.

Долгая пауза.

Молча курит Дорошенко.

Вася рвет травинки, перекусывая их, выплевывает.

- Ну, ничего! - сказал Автономов и улыбнулся. - Ничего, друзья!.. Зато вам задача легче, и крови меньше...

- Легче? - закричал Вася. - А кто легкого хочет? Кто? Ты все роты обойди, любого солдата спроси: кому крови своей жалко, кому легкого боя хочется? Люди в самое пекло мечтали попасть... в самое логово... Люди мечтали своею рукою войну кончить. Как же не мы? Как же не мы водрузим знамя-то?

- Что ж это ты, Вася, - усмехнулся Дорошенко, - приказы командования критиковать вздумал?

- Эх, - горько махнул рукою Вася. - А я-то надеялся первым в рейхстаг войти!

- А я надеялся, - тихо ответил Дорошенко, - прийти на Моабитштрассе.

Он помолчал немного, потом бросил папиросу наземь, притушил ее сапогом и встал.

- Ну, все! - сказал он уже другим тоном. - Похныкали и хватит! - Он посмотрел на часы. - Выступаем через час. Будем выполнять задачу. А в рейхстаг, Вася, другой офицер придет первым... И на Моабитштрассе тоже. А победим - славою-то сочтемся!

...Гремит музыка боя.

Артиллерийский концерт. Хор батарей. Короткая песня гранаты.

Мелькают кадры. Лица, пейзажи, пушки, схватки...

Штык, озаренный солнцем...

Знамя над гвардейцами...

Луна на бетоне блестящей берлинской автострады.

И во весь экран - ликующее лицо Васи Селиванова.

- Ага! - кричит он. - Ага! А мы хоть и не знаменитые, а первыми вышли на Берлинер-ринг.

- ...Успех! - восхищенно говорит Автономов Дорошенко.

- А вот и награда! - усмехается тот и показывает на карту. - Нам чуть-чуть изменили курс наступления.

Мы видим карту: пунктирный путь дивизии чуть-чуть довернут в сторону Берлина.

...Гремит музыка боя.

Мелькнуло лицо Слюсарева.

Яростное лицо солдата. Штык над головой.

Под ногами Слюсарева бетонный колпак дота.

Сбегает Слюсарев с поверженного дота, бежит... Вперед!

- Опять у третьей армии успех! - говорит большой генерал во фронтовом штабе. - Молодцы! - и решительною рукою что-то чертит на карте.

...И опять ликующее лицо Васи Селиванова.

Оно на фоне немецких вывесок...

- Ага! - кричит Вася. - А все-таки хоть мы и не знаменитые, а первыми вырвались на окраину Берлина.

...Гремит музыка боя.

Дорошенко хрипло кричит в телефон:

- Я понял задачу. Спасибо за доверие. Оправдаем. - И, положив трубку, говорит Автономову, хитро подмигивая: - А нас опять чуть-чуть... повернули.

- На Берлин?

- На Берлин.

...Гремит музыка боя.

Сквозь огонь бегут солдаты. Горят танки.

Большой генерал во фронтовом штабе нахмурил брови.

- Танки не могут пройти? - переспрашивает он кого-то, кого мы не видим. - Та-ак? А восьмая гвардейская? Встретила сильное сопротивление? Та-ак! Дайте мне чаю, голубчик. Ну что ж! Зато у третьей успех. Довернем еще раз третью! - И, отхлебывая чай из чашки, он что-то чертит на карте.

...Яростно гремит бой.

Во весь голос поет свою песню Савка Панченко, но слов не слышно, и голоса Савкиного не слышно, - ликующе гремит музыка победы.

Уличные бои в Берлине. Разбитые готические здания. Немецкие вывески. Пожары. Орлы на решетках.

Бой.

- Ага! - кричит Вася Селиванов. - А мы все-таки пришли в Берлин!

Он останавливается у фонарного столба. Снимает каску, вытирает со лба грязь и пот.

- Теперь и мы знаменитые!.. - тихо говорит он.

...Аккуратная табличка на перекрестке улиц.

Обыкновенная табличка.

Как все.

Ее легко прочесть:

"Моабитштрассе".

Подле нее стоит Дорошенко.

Гремит песня боя.

Схватка на улице.

Фашист бьет с чердака из пулемета.

Табличка на доме: "Моабитштрассе, 173".

Бой в подвале.

Хриплый бой. Гранатный бой.

Мертвый гитлеровец на перекрестке.

Табличка на доме: "Моабитштрассе, 151".

Волокут орудие солдаты.

Стонет под колесами булыжник.

Идет по улице Дорошенко, прижимается к стенам.

Наган в руке.

Табличка на доме: "Моабитштрассе, 147".

Перебежками от дома к дому бежит Вася Селиванов.

С ним несколько бойцов.

Вот они упали... Стреляют...

Со всех сторон рвется на них огонь.

Табличка на доме: "Моабитштрассе, 139".

От дома к дому идет раненный в голову Дорошенко.

Голова перевязана.

Кровь на марле.

Глаза воспалены.

Откуда-то из окна летит на Дорошенко фаустпатрон.

Еле успел отскочить Дорошенко.

Табличка на доме: "Моабитштрассе, 133".

Подвал какого-то дома. Телефоны. КП.

Теперь рядом с Дорошенко Автономов.

У корреспондента рука перевязана.

- Я вам приказал не лезть в огонь! - раздраженно говорит Дорошенко. Разве там место корреспондента?

- А кто знает, где место корреспондента в бою? - усмехается Автономов. Потом смотрит на Дорошенко и говорит тихо: - В этот дом... мы войдем вместе...

Табличка на доме: "Моабитштрассе, 127".

Идут Дорошенко и Автономов.

- Пять домов осталось, - хрипло говорит Дорошенко.

Гремит бой вокруг.

Поют камни под снарядами.

Табличка на доме: "Моабитштрассе, 121".

- Два дома осталось! - говорит Дорошенко и поправляет перевязку.

- Только бы дойти!

И вдруг затихает музыка боя.

Рассеивается пороховой дым...

Улеглась кирпичная пыль...

Дорошенко и Автономов стоят подле дома, на котором табличка: "Моабитштрассе, 117".

Это обыкновенный дом.

Как все.

Серый, каменный, скучный.

- Вот вы и пришли! - тихо улыбнувшись, сказал Автономов.

(Пауза.)

- Д-да... - негромко отозвался Дорошенко. - Вот мы и пришли.

Еще немного постоял он у дома.

Потом распахнул парадную дверь.

И пошел по лестнице.

Автономов за ним.

Бесконечная лестница...

Металлические перила.

Разбитые стекла в фонарях...

И, наконец, дверь: "Герр Отто Шульц".

Дорошенко остановился.

Прочел табличку.

Зачем-то поправил ремень на гимнастерке...

...и постучал.

Никто не отозвался.

Он постучал еще раз.

Потом просто тихо толкнул дверь, и она открылась...

...Они вошли в квартиру Отто Шульца.

Мусор в передней.

Паутина.

Запустение.

Они осторожно прошли по коридору...

Вошли в комнаты.

Пусто, пусто везде.

Разбитые стекла дребезжат... Где-то еще стреляют...

Дорошенко толкнул дверь в следующую комнату.

Дверь скрипнула и отворилась.

Они вошли в полутемную комнату.

Это - спальня.

В ее углу замерла в смертельном ужасе чета Шульцев: маленький, худощавый старичок и седая женщина в пуховом платке.

Дорошенко стал перед ними.

Они поднялись тоже. Дрожат.

- Герр Отто Шульц? - хрипло спросил Дорошенко.

- Яволь! - чуть слышно ответил Шульц.

Автономов тревожно следил за Дорошенко.

А тот в упор смотрел на Шульца.

Словно хотел он в нем узнать, угадать черты его сына - палача, разрушившего семью Дорошенко.

Но Отто Шульц был просто маленький и тщедушный человечек, и лицо его, похожее на сморщенный кулачок, дрожало и прыгало.

Дорошенко обвел взглядом стены спальни.

Бросился в глаза большой портрет. Фашист в офицерской форме.

Дорошенко сразу узнал в нем своего смертельного врага. Был гитлеровец на портрете весел и самодоволен, горд тупой гордостью нациста 1942 года.

Немец с портрета смотрел на Дорошенко и нагло ухмылялся. Его не страшило, что теперь Дорошенко пришел в его дом, что теперь его, немца, старики родители были во власти Дорошенко, как когда-то семья Дорошенко в его власти.

Немец на портрете ухмылялся...

Но вокруг портрета была уже черная траурная рамка. И черные традиционные банты по углам.

Автономов вспомнил всех убитых фрицев, которые попадались ему на дороге от дома до Берлина. Вот так же лежали

эти трупы на снегу или в грязи и скалились страшною ухмылкою мертвяков, как скалится сейчас с портрета старший сын Отто Шульца.

- Сын? - спросил он Шульца, указывая на портрет и еще раз переспросил по-немецки: - Сын?

- Да, да, - ответил старик по-немецки. - Мой сын... Он убит под Киевом.

Автономов перевел глаза на другие стены. Там тоже висели портреты молодых немцев. И портреты эти тоже были в черных траурных рамках.

И, следя за его взором, старый Шульц пояснял кратко:

- Сталинград... Минск... Моздок...

А по его лицу текли грязные, жалкие слезы, и он боялся утереть их, боялся сесть и по-отцовски заплакать.

- Пойдем? - тихо спросил у Дорошенко Автономов. Но Дорошенко смотрел на старуху Шульц.

Он смотрел на ее белый пуховый платок с длинными кистями, в который старуха под взглядом мрачных глаз Дорошенко куталась, ежась и трепеща.

Он смотрел только на этот платок, неотрывно и напряженно, о чем-то думая и что-то вспоминая... И когда Автономов тихонько потряс его за плечо, он сказал, горько улыбнувшись:

- Это было всего четыре года назад... Я был в Москве, в ЦК, по делам района...

Автономов удивленно посмотрел на него.

- Пойдем! - беспокойно сказал он.

- И я купил этот платок... оренбургский... теплый... жене... - Он усмехнулся. - Я так ей редко делал подарки... Все некогда, дела... а тут купил... И она удивилась... И даже заплакала от радости, дуреха ты моя. И сказала: "А я думала, ты забыл, что сейчас как раз пятнадцатилетие нашей жизни..." И тогда же она вышила на платке памятную метку... вон ту... - Он показал на платок старухи. - Я сразу узнал.

Автономов вдруг резко дернулся к старухе, но Дорошенко удержал его руку.

- Не надо! - сказал он. - Пусть носит. Зачем он мне теперь? - Он еще раз обвел взглядом стены, портреты, стариков и, круто повернувшись, пошел прочь из этого дома...

...Молча шли они по Моабитштрассе.

Наконец, Автономов сказал тихо и впервые называя Дорошенко на "ты":

- Зачем же ты шел на Моабитштрассе, Дорошенко?

- Зачем я шел? От Дона до Днепра казалось мне: иду я выручать семью... Но я не нашел семьи за Днепром, нашел

могилы и... и пошел дальше. (Пауза.) От Днепра до Польши казалось мне: иду я искать детей... в неволе. Но в Польше я узнал, что их уже... не надо искать... но я...

- Пошел дальше.

- Казалось мне, - продолжал, мрачнея, Дорошенко, - что иду я теперь, чтоб отомстить немцам... герру Отто Шульцу, отцу того, кто... Но...

- Но ты не убил его... И не мог бы убить... и пойдешь дальше.

- Да. И пойду дальше. До конца. - Он потер висок. - Зачем же шел? (Пауза.) Он усмехнулся. - Когда англичанин или американец идет на войну идут они из-за доллара. Когда немец воюет - воюет он из страха дисциплины или ради разбоя. А когда русского подымешь на войну, то воевать он пойдет ради... ради человечности. (Пауза.) Да, я потерял дом, семью, детей, но это я - простой русский человек - спас человечество. И этим моя душа довольна.

- Я знаю это, - тихо отозвался Автономов.

Вдруг им навстречу из каких-то железных ворот с решетками выходит странная группа.

Это - пять человек в полосатой тюремной робе.

Костлявые, заросшие седой щетиной, страшные, они больше похожи на призраков, чем на людей.

Они стоят у ворот тюрьмы, еще не зная, куда им идти и что делать.

Они жадно вдыхают ветер свободы.

- Вы кто такие? - спрашивает их Автономов.

Увидев русских, они как-то сразу оживляются, их лица светлеют, на глазах появляются слезы.

- Кто вы такие? - участливо спрашивает Автономов.

- Мы? Мы - немцы, - по-русски, но с сильным акцентом отвечает ему самый старый из них, седой человек с редкими длинными волосами.

- Немцы? - удивленно переспрашивает корреспондент и невольно бросает взгляд на их тюремные куртки, на обрывки кандалов на ногах.

Старик усмехается:

- А вы думаете, что немцы бывают только палачи? Есть немцы-жертвы! - И просто прибавляет: - Мы - коммунисты.

И тогда Автономов вдруг порывисто бросается к нему и хватает его руку.

Он трясет ее долго и молча.

А остальные четверо подымают над головою сжатые кулаки.

- Рот Фронт!

И вспоминается Красный Веддинг.

Сжатые кулаки, сейчас костлявые и покрытые седою шерстью, они были когда-то грозными, могучими. Их было пять миллионов, но они не могли остановить Гитлера.

Старик трясет руку Автономова и плачет.

- Когда-то... - говорит он сквозь слезы, - я хорошо говорил по-русски. Я жил и учился в Москве... И я мечтал - о да! - о свободной Германии... Простите, я плачу... Но там, - он показывает на тюрьму, - там, в Моабите, я ни разу не плакал.

- Куда же вы идете теперь? - спрашивает Дорошенко.

- Куда? - старик оглянулся вокруг. Развалины окружали их, кирпичная пыль и дым. Но таким просторным казался вчерашнему узнику мир, что он широко распахнул руки, не в силах обнять его. - Мы пойдем... в Германию, - сказал он. - В нашу Германию. Ах, товарищ! Это вы спасли Германию от Гитлера для нас, для немцев. Спасибо!..

Он трясет руки Дорошенко и Автономова; его товарищи делают то же.

...И вот они уже идут на Моабитштрассе.

И Автономов тихо говорит им вслед:

- Счастливого пути, товарищи!

...И снова гремит музыка боя.

Развалины. КП Васи Селиванова.

Телефон в расщелине стены.

Вася лежит на земле. На кирпичах перед ним расстелена карта.

Рядом сидит Галя.

- Нет, ты гляди, гляди, Галя! - возбужденно говорит Вася, тыча пальцем в карту. - Вот мы. А вот, рукой подать, Шпрее. Мост "Мольтке-старший". А за мостом уж, - сказать и дух захватывает! - рейхстаг. А? И вдруг не мы... а? И он с силою хлопает ладонью по карте. - Как же не мы?

- Не горячись, Вася, - шепчет Галя. - Очень я тебя прошу - не горячись!

- Как же не горячиться? Ведь это мой, мой рейхстаг, я к нему грудью пробился. Нет, кабы я был генералом, я б позвал к себе... меня и сказал бы... мне: "Комбат Василий Селиванов! Ты геройски прошел от Дона до Берлина. Хотел было я тебя окраиной пустить, но ты хоть и не гвардеец, а геройский командир и сам прорвался в центр. Поэтому бери-ка ты, брат, рейхстаг!" И я бы взял.

- Ты не горячись, Вася. Ты береги себя. Ну, хоть ради меня.

Она с любовной нежностью смотрит на него.

У него воспалены от бессонницы глаза. Он похудел. Волосы его выгорели. Лицо в пыли.

- Побереги себя, Вася! - тихо шепчет она и вдруг

отворачивается от него и, не глядя, застенчиво и чуть слышно шепчет: - Я люблю тебя, Вася!

- Любишь? - удивился и обрадовался он. Схватил ее руки. - Сказала-таки, наконец! - Он нежно смотрит на нее и тихо выпускает ее руки из своих. - А сказала... не вовремя. Эх, Галя! Не вовремя сказала. Вот теперь я буду свою жизнь жалеть... мечтать о счастье... а это нельзя сейчас. Нельзя. Не надо.

- А я ведь не труса люблю. Я люблю героя, Вася. - Она тихо берет его руку: - Ты не жалей ни себя, ни меня, ни жизни... Ты только... береги себя от напрасной смерти. А если надо... Ну что ж. Я ведь люблю тебя. Навеки.

Кирпичная пыль с развалин летит на них.

...Сигнал.

Атака.

Ночь.

Прямо на зрителя бегут бойцы.

Луна на штыках.

Хрипло кричит передний:

- Шпрее, ребята!

И вбегает на мост.

...Мост "Мольтке-старший".

Трамвайная линия через мост.

Две баррикады.

Надолбы из рельсов.

Труп немца на железных перилах.

Мы видим, как ползут по мосту саперы.

Подрывают надолбу.

Взрыв. Камни и рельсы летят в воздух.

Мы видим этот мост на карте у Дорошенко.

У Дорошенко еще перевязана голова. Он сидит на табурете у телефона. Тычет карандашом в карту - мост "Мольтке-старший". Шепчет:

- Взять этот проклятый мост, взять!

Пробегают по мосту солдаты.

Бой на мосту.

Огонь со всех сторон.

Увязшая на мосту пушка.

Мелькают лица Слюсарева, Пети, Савченко...

Вот кто-то из них, высоко подняв винтовку над головою, вскарабкался на берег уже за мостом.

Стоит, широко расставив ноги.

Дорошенко отмечает на карте: мост взят. И впивается глазами в следующее препятствие: белый дом на берегу Шпрее.

...Яростный бой за белый дом.

Бой гранат, фаустпатронов, штыков и ножей.

Немецкая самоходка бьет по нашим из двора дома.

Она бьет метко и зло, словно выплевывает жертвы.

Какой-то белокурый солдат подбирается к ней ползком.

И, лежа, с размаху бросает связку гранат.

Горит самоходка.

Припадает к земле мертвый белокурый солдат. Мы не знаем его имени.

...Вслед за Дорошенко по мосту "Мольтке-старший" бежит телефонист с аппаратом.

Вьется тонкая жилка проволоки за ними...

Они пробежали мост. Упали наземь берега.

- Связь! - яростно кричит Дорошенко.

Когда он сердится, на повязке проступает кровь.

Телефонист лежит рядом с ним.

Проворно подает трубку.

- Белый дом взяли, товарищ генерал! - кричит Дорошенко в трубку. Атакуем красный дом - канцелярию Гиммлера.

Бой у красного дома.

От дома остались одни развалины.

И бой идет в развалинах.

В обломках лестниц.

У слуховых окон.

В подвалах.

Рукопашные схватки.

Перекошенные лица. Хриплые крики. Руки на горле.

Штык о штык. Нож в зубах. Хрипение умирающих. Граната, брошенная через окно. Гарь. Дым.

Запах пороха, крови и паленого мяса.

- ...Селиванова мне! - кричит Дорошенко связисту. - Селиванов где?

- Я ищу, товарищ полковник, ищу! - оправдывается телефонист. - Они переносят связь. Они, кажется, уже взяли дом Гиммлера.

...А Вася Селиванов с несколькими бойцами врывается в дом.

За ними - стихает бой, оседает пыль, умолкает шум.

По мертвым, разрушенным комнатам нижнего, полуподвального этажа идет Вася.

На его лице - упоение боя. Слава. Удача. Победа.

Ударом сапога распахивает он какую-то дверь и останавливается, подняв над головой гранату.

Но в подвале никого нет.

Он бросается тогда к окну и - замирает.

Видна через окно площадь, большая, изрытая траншеями и

канавами, и в конце ее - знакомое по фотографиям черное здание с колоннами.

Вася застывает у окна. Стоит и смотрит.

Полуподвал наполняется людьми. Приходят связисты, солдаты.

Располагаются на полу. Вошел Автономов. Увидел Галю. Тихо беседует с ней.

Но Вася Селиванов ничего и никого не видит. Он смотрит в окно.

- Товарищ капитан! Товарищ капитан! - шепчет ему связист. - Вас! - и подает трубку.

Машинально берет Вася трубку и, продолжая смотреть в окно, отвечает:

- Да. Я... Что? Да. Взял. Теперь? Теперь стою у окна и вижу... черные стены здания... Кажется, это рейхстаг. - Он опускает трубку и только сейчас замечает, что вокруг него много людей.

Он смотрит на них, узнает.

И говорит просто, показывая в окно:

- Рейхстаг, товарищи!

...Раннее утро над Кеннигсплацем в Берлине.

30 апреля 1945 года.

Вася стоит у окна и смотрит. Рядом с ним Галя.

Тихо вокруг. Мертва площадь.

Ее камни, ее асфальт, ее канавы и рвы, ее скрытые ловушки - все молчит.

В подвале не спят люди.

Они еще не получили никакого приказа, но всей кожею своею чувствуют: скоро бой. Последний и, может быть, самый яростный за всю войну бой.

Они спокойно ждут его.

Слюсарев черпает деревянной ложкой тушенку из консервной банки, ест и говорит:

- Рейхстаг возьмем - тут войне и конец!

- Так-таки и конец? - перебивает другой солдат, пожилой, светлоусый. Это ты где-то вычитал?

- Сам догадался, - спокойно отвечает Слюсарев, облизывает ложку, прячет за голенище. - В рейхстаге, слышь, сам Гитлер сидит. Гитлера споймаем - и войне конец.

- Тю-тю! - засмеялся светлоусый. - Гитлер небось уж давно где-нибудь в Аргентине. Смотался!

- Как же он может смотаться, когда Берлин у нас в кольце, в окружении!

- А он на подводной лодке сиганул, - предположил Петя.

Слюсарев, усмехаясь, посмотрел на него.

- Ну, подводную лодку он, допущаю, достанет. Это возможно, но где ж он в Берлине море возьмет, а, Петя?

- Так он на аэроплане до моря полетит... - неуверенно предположил Петя.

- Нет, мне его тут найтить желательно, - сказал Слюсарев. - Я с ним поговорить хочу. Один на один. На три слова.

Автономов прислушивается к солдатской беседе.

- А хорошо бы... - задумчиво сказал светлоусый солдат, - хорошо бы войне конец. Д-да... К севу не обернемся, а к уборке как раз... хорошо-о!

- Надоела война? - спросил корреспондент.

- Что и говорить!

- Маета, разорение...

- Ну, теперь скоро кончим! - сказал Слюсарев.

- Как-то жить будем? - Разорен мир-то...

- Ничаво! Хорошо жить будем!

- Д-да... - сказал светлоусый, - жить... хорошо бы! Жить хочется!

- Небось и семейные наши заждались.

- Нелегко-то им, старикам да бабам.

К солдатам вдруг подходит капитан Селиванов. У него сосредоточенный вид - и все встают, подтягиваются, подбирают оружие.

Вася смотрит на часы.

- Через полчаса пойдем на штурм, - говорит он негромко. - На штурм рейхстага. - И вдруг, неожиданно для самого себя, улыбается светлой, лихой, мальчишеской улыбкой. - Вот хоть и не знаменитые мы, а это нам выпала великая честь: водрузить знамя победы! - Он осматривается вокруг. Начальнику штаба батальона: - Ширяев! Дай знамя!

Лейтенант Ширяев приносит знамя. Оно свернуто вокруг древка.

Вася распускает его. Гладит шелк рукою.

Потом смотрит на бойцов.

- Ну? - говорит он. - Кто хочет рискнуть и... и донести знамя до рейхстага? Два шага вперед - марш!

И все, кто был в подвале, поспешно сделали эти два шага.

- Все хотят? - удивился Вася. - Ну, черти...

- Дай мне, капитан, - сказал Слюсарев. - Я с тем от самого Днепра иду.

- Мне доверь! - просит светлоусый. - Я сталинградский.

- Мне поручи! Мне! Мне! - раздаются голоса.

- Да что вы, ребята? - засмеялся Вася. - Да ведь это же, это... чертовский риск. - Он испытующе смотрит на всех. - Вы что ж...

жить не хотите?

- Жить хотим! - ответил Слюсарев за всех. - Как не хотеть!.. А победить хочется еще больше.

Вася растерянно смотрит на своих солдат. Все они ждут его решения.

Огромные, умоляющие глаза Пети... В них столько мольбы, что и Вася дрогнул.

- Ты водрузишь знамя, Петя! - сказал он. - Ты моложе, ловчее, проворнее... И сирота?

- Сирота, товарищ капитан, круглый сирота.

- Бери знамя, Петя. Водружай! - И Вася вдруг рванулся к нему и крепко расцеловал мальчика.

На Петю смотрят все. Он краснеет, берет знамя и тихонько целует его шелковый край.

Вася смотрит на часы: - "Через девятнадцать минут - штурм!" - и отходит к окну.

Солдаты расходятся по углам.

- Ну, ничего! - проворчал Слюсарев. - Авось и мы не глупые! - И он подмигнул Автономову.

- А что? - заинтересовался тот.

- Тсс! - тихо прошептал Слюсарев. - Гляди! - он показал ему что-то засунутое за пазуху.

Это был маленький красный флажок. Без номера. Без имени.

- Все припасли! - усмехнулся Слюсарев. - А там, - он кивнул головой на окно, - там видно будет, чей флаг до купола дойдет.

...Заря подымается над Кеннигсплацем.

Она кровавая.

Вася и Галя стоят у окна.

- Сейчас пойдем, - говорит Вася. - Эх, хочу я тебя поцеловать, Галя! Так хочу. А не буду. Там, - он показывает на рейхстаг, - там поцелуемся.

- Ты береги себя, Вася.

- Нет! - покачал он головой. - Не буду беречь. Сейчас не буду. Сейчас, гляди, - он показал на солдат, - сейчас никто себя не бережет!

Он вдруг с силой обнимает ее за плечи.

- Эх, Галя! Как мы славно жить с тобой будем! Так хорошо жить будем! Так хорошо! - Он обернулся к бойцам и махнул рукой: - Давай, ребята!

Вскочили на ноги бойцы.

Первая группа подошла к окну. Среди них Петя со знаменем.

На секунду оглянулись они на товарищей. Молча посмотрели. Молча, взглядом, попрощались. Кто-то приветственно и прощально рукой махнул...

...И выпрыгнули из окна на площадь.

И словно ждали этого жерла батарей, минометов, орудий...

Загрохотало небо. Застонала площадь под снарядами.

Посыпалась штукатурка в подвале.

- Давай! - крикнул Вася, и вторая группа солдат бросилась к окну.

Как парашютисты перед прыжком, замерли они у окна на секунду, перевели дух и - прыгнули.

И новая партия, ставшая на их место у окна, тревожно смотрела вслед.

- Убит? Нет, подняли, бежит. А этот упал. Готов, бедняга.

- Давай! - крикнул Вася, и люди без колебания бросились из окна.

Гремит музыка боя.

Самая яростная за всю войну.

- Хорошо жить будем, Галя! - крикнул Вася и с остатками батальона прыгнул через окно.

Теперь к окну подбегают Галя и Автономов. Они смотрят в окно, и им видна вся площадь и бой на ней.

- Никто, - говорит Автономов, - никто в мире не сможет понять наших людей. Так любить жизнь, как наши любят ее, и так легко, весело, без сожаления и вздоха идти на смерть только русские могут!

- Я за Васю боюсь... - прошептала Галя.

- Идти добровольно на смерть, зная, что это последний бой и завтра победа, и жизнь, и награда... Нет, это только советские люди могут!

- Как я боюсь за Васю.

- А я? - не слушая ее, размышляет корреспондент. - Почему я не могу вместе с ними? Почему я, как проклятый Пимен, всегда только соглядатай и никогда участник?

- Вы обязаны написать о них...

- И я напишу. Теперь уж я знаю, что напишу. Но сейчас... к черту! Кому нужны мои писания, когда там...

- Смотрите! - вдруг закричала Галя. - Петя, Петя упал!

Им видна через окно площадь. Видно, как бегут и ползут по площади через рвы и канавы бойцы. Видно, как над упавшим со знаменем Петей склонился солдат, взял из коченеющих рук знамя и побежал дальше.

- Его Петей звали, - пробормотал Автономов. - Не забыть, ничего не забыть!

- Ну, - говорит Галя. - Теперь и мне пора. - Она смотрит на корреспондента, торопливо шепчет: - Если что случится... скажите Васе: его одного... на всю жизнь... - Она вдруг порывисто целует

Автономова и прыгает через окно.

- Я скажу, Галя! - кричит он вслед. И уже себе: - И поцелуй передам. Он ведь не мне. Ему. А я? Я только поверенный чужих дел, чужих страстей, свидетель чужих подвигов. Но я напишу о вас, друзья, вы не сомневайтесь!..

И он продолжает смотреть через окно на площадь.

А на площади кипит бой.

На руках вытаскивают артиллеристы орудия и бесстрашно бьют прямой наводкой по рейхстагу. Вокруг них дым и стон, падают снаряды, а они невозмутимо бьют да бьют.

Какой-то неукротимый танк - № 122 на его башне - выкатился прямо против рейхстага и бьет, бьет. Все горит вокруг него, но он не прекращает огня.

Бегут по площади бойцы на штурм рейхстага.

И многие, не добежав, падают.

В правой руке - винтовка, в левой намертво зажат красный флажок.

- Они не дошли... не водрузили знамя над куполом, - бормочет Автономов, - но это они... мертвые... своими телами проложили дорогу живым... и знамени... Я должен знать их имена!

К окну подходит начальник штаба батальона Ширяев. Он стоит рядом с корреспондентом.

- Отчего вы без блокнота? - спрашивает он. - Почему не записываете?

- Я не буду ничего записывать! - сердито отвечает Автономов. - Я этого не забуду никогда!

Видна площадь перед рейхстагом.

Вот уже близки к рейхстагу передние, самые смелые, самые лихие воины.

Впереди всех, со знаменем в руках, бежит молодой парень.

- Кто это? - спрашивает Автономов.

- Это Пятницкий. Комсомолец.

Пятницкий подбегает к рейхстагу и вдруг, широко раскинув руки, падает.

Он падает у самой первой ступеньки лестницы, ведущей в рейхстаг.

Судорожным движением он рвется вперед - и умирает на первой ступеньке. Знамя лежит рядом с ним.

- Его Пятницким звали, - говорит Автономов. - Я не забуду.

А бой кипит...

И знамя из мертвых рук переходит в руки живых.

Вот оно уже на третьей ступеньке лестницы...

Его хорошо видно и Автономову и всем на площади.

Вот оно уже над железною решеткою у окна полуподвала.

Вот оно врывается в здание вместе с бойцами...

И вот оно вздымается над рейхстагом... не над куполом, - до купола далеко, не доберешься, - весь рейхстаг теперь под огнем немецкой артиллерии, - но над фронтоном первого этажа есть скульптурная группа: женщина с короной в колеснице. И в корону этой женщины грузин Кантария и русский Егоров втыкают древко знамени.

Это видно Васе из его КП в рейхстаге.

И он кричит в трубку:

- Тут какая-то принцесса Турандот. Что? Не знаю. Турандот. Да. Ну, мы ей в корону знамя и воткнули. Всем видно? - И он хохочет.

Это было 30 апреля 1945 года в сумерки.

Развевается знамя.

Горит рейхстаг.

...Дым в рейхстаге...

Сквозь этот дым с трудом пробирается Автономов.

В его руках нет блокнота и нет оружия.

Вокруг него дым, выстрелы, стоны, хрипы.

Каменный Вильгельм в передней зале весь побит осколками.

С любопытством озираясь на все, идет Автономов.

До него вдруг доносится чей-то мощный хохот.

Он слышит голос:

- Значит, принцесса Турандот, Вася? Ну, пускай Турандот!

Автономов с удивлением узнает голос Дорошенко.

Но он в первый раз слышит его смех. Такой веселый, такой оглушительный.

Он находит полковника в дыму и радостно к нему бросается.

Сейчас не похож на себя Дорошенко, таким его журналист никогда еще не видел.

Словно необыкновенным внутренним светом светится он; мрачные глаза сияют. Словно пьян он хмелем боя и победы, и в счастливом опьянении этом словно открылось ему что-то дотоле не известное и высокое.

- Знамя, знамя видели? - крикнул он Автономову, не удивляясь даже тому, что тот здесь - в дыму и неразберихе боя.

- Его всем видно, - ответил журналист.

- А-а! То-то! А они еще тут сидят. Как же. Тут.

- Кто?

- Враги! - Он постучал сапогом в пол. - Тут они еще, в подземелье. Расхохотался. - А? Каково? Точно слоеный пирог - этот рейхстаг: вон там они, тут - мы, а над нами на втором этаже опять они... И зато на крыше - опять мы.

- Сколько же их там? - показал Автономов в пол.

- Больше тысячи. Я посылал к ним парламентера - пусть сдаются. А они ответили, что их тысяча, а вас, мол, русских, в рейхстаге всего горсточка. Поэтому, дескать, по законам войны должны сдаваться русские.

- Ну?

- Ну, мой парламентер сказал им: не затем я в Берлин пришел, чтоб тут вам сдаваться. Околевайте тогда в подземелье, черт с вами! - Он расхохотался опять. Нет, каково?

- А если они предпримут... вылазку?

- Хорошо-о! Хорошо бы! Мы встретим их. Ведь нас тут действительно горсточка... Но мы в рейхстаге, и наше знамя уже пылает над Берлином, а они... в подземелье, и им - капут. И тут уж никто ничего не сделает. Игра выиграна нами! - Он махнул рукой. - Нет, они уже ничего предпринять не могут. Они - мертвые!

- Вы какой-то странный сегодня... - улыбнулся Автономов. - На себя не похожий.

- Да? Ну не каждый же день человеку выпадает на долю брать рейхстаг. Он вдруг обнял Автономова за плечи и сказал ликующим шепотом: - Счастливый я. Что смерть? Что жизнь? Что большие и малые невзгоды наши? Их даже не видно с той высоты, на которой наше знамя... и я счастлив, счастлив, да! Что мне, простому русскому человеку, привелось взойти одним из первых на эту высоту!.. На вершину мира...

Новая волна дыма рванулась откуда-то на них.

- Что это? - тревожно спросил журналист.

- Фашисты... Они жгут рейхстаг. Они начали свою историю поджогом рейхстага и в огне кончают ее. Ну и пусть горят! Пусть! Нас-то теперь не выкуришь!..

Он схватил Автономова за плечи, притянул к себе.

- Напиши, Федор Петрович, напиши книгу о нас, о нашем сегодняшнем счастье, о нашей вершине...

- Я напишу... - тихо и очень серьезно ответил Автономов.

Дорошенко посмотрел на него, еще раз тряхнул его руку и исчез в дыму.

- Я напишу! - сказал ему тихо вслед Автономов. - Я должен написать. Потому что я шел с ними, я был здесь, я видел.

...Утро второго мая.

Рассеялся дым.

Стихла канонада.

Ночью капитулировал Берлин.

Из подземелья рейхстага длинной вереницей выходят немцы. Раненые. Изувеченные. Голодные. Одичавшие.

Они медленно бредут из подземелья на свежий воздух.

Наши солдаты беззаботно смотрят им вслед.

И только Вася Селиванов да Галя не видят немцев.

Ничего они сейчас не видят. Они стоят, обняв колонну рейхстага, и Вася ножом высекает на камне имена: "Вася и Галя".

...А на куполе рейхстага горсточка бойцов водружает большое победное знамя.

Вот оно развевается на ветру...

Гордо играет в небе.

Бойцы из ружей салютуют знамени.

Весь мир через несколько часов увидел в своих газетах эту сцену. Ее снимали наши корреспонденты на моих глазах.

Отгремел салют.

Бойцы опустили ружья.

И - наступила тишина.

Тишина победы.

Величественная и простая.

- Тишина-а ка-ка-ая! - удивленно сказал сержант Иван Слюсарев и осмотрелся вокруг.

Лежал под ним Берлин, разрушенный, поверженный и побежденный.

Ржавая пыль струилась от развалин.

- И Россия - там! - сказал светлоусый солдат и повернулся лицом на восток.

И все повернулись туда же.

Пилотки сняли.

- Вздохнут сегодня наши дома-то! - сказал светлоусый. - В первый раз свободно вздохнут... всею грудью...

- Тяжко было...

- Ну, ничего!

- Одолели!..

- Тишина-то ка-ка-ая!.. - снова сказал, удивляясь тишине, Слюсарев.

- А там, за Берлином, Эльба! - сказал грузин Кантария и показал рукою на запад.

И все посмотрели туда.

- Д-да... - отозвался светлоусый. - Франция там... Потом Англия.

- А Италия где же?

- А Италии надо быть там... - показал светлоусый на юг.

- Нет, там Чехия.

- Чехия левей будет... Я хорошо карту помню. Вот так Австрия, так Чехия, так Италия...

- Тишина какая! Хорошо! - снова сказал Слюсарев. - Хорошо-

о! Ничего! Живи. Живи, человечество. Живи мирно. Радуйся! - И он помахал в воздухе пилоткой.

...Тихо течет Эльба.

Медленно пересекает ее катер с русскими и американскими офицерами.

На корме сидит Автономов, смотрит в воду.

Катер медленно причаливает к берегу.

Гремит навстречу американский оркестр.

Почетный караул отдает честь русским.

Автономов вместе с другими офицерами садится в машину.

Дорога.

Штаб.

Встреча на Эльбе.

И покуда гремят оркестры, произносятся спичи и со звоном встречаются бокалы, - Автономов бродит среди американских солдат у штаба, всматривается в лица, пытается заговорить.

Много негров среди солдат.

Много парней в очках.

Много фотокорреспондентов.

Мало обветренных и обожженных боем лиц.

Вдруг Автономов сталкивается со знакомым.

Он сразу узнает его. Это Мак Орлан. Американский корреспондент.

Он окликает его.

Американец, чуть-чуть подвыпивший, радостно трясет его руку.

- Хэлло! Гау ду ю ду?

- Вот мы и встретились! - отвечает Автономов. - На Эльбе.

- А? Хорошо? Это второй фронт, а?

- Да. Ничего...

- Ничего? О, это русское "ничего"! - хохочет Мак Орлан. - Нет, это хорошо. Это грандиозно! Мы, американцы, как всегда, пришли вовремя. И выиграли войну.

- Вы выиграли?

- О, с вашей помощью, разумеется. Вы немного помогли нам, да. Я признаю. Вы хорошо удержались. Но, - он лукаво сощурился, - но мы высадились в Нормандии, и - блицудар - и Гитлера нет. А? Что вы теперь скажете?

- Я? А я ничего не скажу...

Они идут по городку, запруженному американской техникой и войсками.

- Это наши танки, - говорит Мак Орлан. - Хорошо?

- Ничего. Хорошие танки.

- Они так испугали Гитлера, что он убежал.

Они подходят к огромному, похожему на крепость, танку.

Танк лоснится новенькой краской.

- Хорошая машина, - говорит Автономов. - Сколько у нее на боевом счету?

- Простите?

- Ну, сколько она уничтожила немцев, батарей, дотов?

- А-а! Понимаю! - просиял Мак Орлан. - Корреспондент всегда корреспондент. Сейчас я узнаю.

Он быстро спрашивает по-английски офицера, который стоит у танка и курит трубку, потом смущенно поворачивается к Автономову и говорит:

- Нет, этот танк не участвовал еще в бою.

- А тот?

- И тот тоже...

- А! Ну да! - чуть приметно усмехается Автономов. - Впрочем, я так и думал.

- Да, но мы прошли от Ла-Манша до Эльбы! - взволновался Мак Орлан. - И мы принудили Гитлера капитулировать. Это мы выиграли войну... Это есть факт.

- А зачем нам спорить? - лениво возразил Автономов. - Подарите мне... ну, три часа, и все станет ясно.

- Три часа?

- Да. Покатайтесь со мною три часа. Только всего. Идет?

- Идет! - неуверенно сказал Мак Орлан. - Интересно, что вы мне докажете за эти три часа.

...И вот они катят на комфортабельной машине по немецким дорогам.

- Ведь это здесь шли американцы к Эльбе? - вежливо спрашивает Автономов.

- О да! Здесь шел генерал Брэдли.

- Какая красивая дорога!

- Что?

- Прелестная дорога, говорю. Смотрите, какой чудесный пейзаж!

Действительно, идиллически-мирная картина развертывается перед ними.

Хорошая, ровная дорога.

Чистые, целые домики.

Ни воронки на земле.

Ни трупа у дороги.

Ни разбитых машин на шоссе.

- Вам не нравится этот пейзаж? - спрашивает Автономов у своего спутника. - А я давно не видел таких мирных дорог и полей. Хорошо!

- Ничего! - отвечает ему в тон Мак Орлан.

Они пересекают на катере Эльбу.

И попадают на другой берег ее, на тот берег, куда вышли русские.

У самого берега - столпотворение разбитых немецких машин.

Трупы.

Следы жестокого боя.

Брошенные немцами чемоданы, каски, куртки.

Так разителен контраст, что Мак Орлан растерянно останавливается, но неумолимо-вежливый Автономов уже приглашает его в машину.

И они катят по дороге, которой шли к Эльбе русские.

Ничего не говорит Автономов. Каменное у него сейчас лицо.

Зато дорога сама говорит за себя.

Воронки. Ямы.

Надолбы. Разбитые баррикады. Отшвырнутые прочь рогатки, ежи, ловушки.

Трупы.

Солдатские могилы с красными звездочками на крестах.

Сгоревшие танки.

Подбитые немецкие орудия.

Опять воронки.

Следы жестоких боев.

- Этой дорогой шли к победе мы, русские! - говорит наконец Автономов. Мы можем с вами проехать сотни и тысячи километров, и вы увидите то же. От Волги до Берлина.

Он остановил машину.

- От Волги до Берлина, - повторяет он. - Какой гигантский путь! На этом пути мы и похоронили немецкую армию. Вам, мистер Мак Орлан, уже выпало счастье просто маршировать к Эльбе. Убитые нами фашисты не могли преградить вам путь! - Он обвел широким жестом дорогу и закончил: - Как видите, нам не о чем спорить!

- Д-да... - сказал, пожимая плечами, Мак Орлан. - Это выглядит... убедительно. Вы принесли на алтарь победы свою кровь, мы - свои доллары. Но, - усмехнулся он вдруг, - кровь...

- Забывается?

- Кровь... не котируется. А доллар! - убежденно: - И победу в войне и победу в мире решает доллар. Мы благодарны вам за кровь, - сказал он, поклонившись Автономову, - но теперь... теперь дайте дорогу доллару. Иначе погибнет мир.

Автономов посмотрел на него и тоже усмехнулся.

- А вы думаете, что мы принесли в войну только кровь?

- Что же еще?

- Еще? Еще дух. Русский дух. Свободный, смелый, честный, демократический. Народы мира узнали теперь, что такое советский дух и что такое человек, когда он свободен от власти доллара...

- Но побеждает не дух, а доллар! - закричал Мак Орлан.

- Не думаю...

- О! - задыхаясь от ярости, закричал Мак Орлан. - Наш спор еще не кончен. Посмотрим, мистер Автономов! Посмотрим!

- Посмотрим! - тихо ответил Автономов.

Мак Орлан вскочил в машину и повернул назад.

- Гуд бай, мистер Автономов! - крикнул он с вызовом.

- До свидания! - отозвался Автономов.

...Он стоит на дороге у деревушки и смотрит Мак Орлану вслед.

- Посмотрим! - тихо произносит он и идет к машине, виднеющейся впереди.

Здесь штаб дивизии Дорошенко, и первый, кого встречает у машины Автономов, - Вася Селиванов.

Вася чем-то встревожен.

- Что случилось, Вася? - спрашивает Автономов.

- Дорошенко...

- Что Дорошенко?

- Он нашел своего сына.

- Нашел? Где же?

- В какой-то немецкой экспериментальной клинике, будь они прокляты!

- Ну и?..

- Он хочет похоронить его на славянской земле. Нам разрешили... Да заводи ты, черт!

Застучал мотор.

- Поехали! - крикнул Вася, вскакивая в машину.

...Медленно плывет по дороге автомобиль Дорошенко.

Полковник сидит рядом с Савкой Панченко и держит на руках мертвого сына.

Он сидит прямо и недвижимо. И лицо его словно окаменело.

А мимо него все проходят и проходят толпы освобожденных людей. Теперь они идут к Эльбе - путь на запад, открытый Красной Армией.

Идут французы...

Англичане...

Бельгийцы... Голландцы... Датчане...

Американские солдаты.

Бурлит людской водоворот на дороге.

Кричат на всех языках мира люди:

- Спасибо! Спасибо за свободу! - и подбрасывают шляпы в воздух.

И на фоне этого ликующего человечества, на крупных планах Дорошенко с ребенком на руках, на фоне военной дороги и послевоенного мира звучит голос невидимого нам Автономова:

- Люди! Я рассказал вам эту простую повесть о друге моем Игнате Дорошенко и о его товарищах. О том, что они сделали для вас, и о том, почему они это сделали.

Когда Гитлер напал на вас, люди, они без колебания оставили свои хаты, простились со своими семьями и пошли драться и умирать за вас, люди, за ваш покой и счастье.

Враг разорил их дома, уничтожил их семьи, замучил их детей. Но не во имя мести и не ради крови за кровь, а во имя справедливости и мира на земле пошли мои товарищи на смертный бой - и победили.

И они освободили вас, люди Польши, люди Чехословакии, Югославии, Румынии, Болгарии, Венгрии, Германии, узники Европы, солдаты Англии и Соединенных Штатов. Ради вашей свободы и вашего счастья пролили они свою кровь - и не пожалели об этом.

Забудете ли вы это, люди?

Забудете ли вы?

Дадите ли вы снова врагам человечества увлечь вас на кровавые войны или твердо скажете поджигателям: нет! Нет, так не будет!

Судьба мира сейчас в ваших руках, люди!

Чтобы напомнить вам об этом, я и рассказал вам эту простую повесть о моем друге Игнате Дорошенко и его товарищах. О том, что они сделали для вас и почему они это сделали.